

Ю Л И Я И В Л И Е В А

Она
умеет
читать
по лицам...

ГЕН
ХИЩНИКА

Метод профайлера. Психологический триллер

Юлия Ивлиева

Ген хищника

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Ивлиева Ю. Ф.

Ген хищника / Ю. Ф. Ивлиева — «Эксмо», 2023 — (Метод профайлера. Психологический триллер)

ISBN 978-5-04-192044-9

Сначала жертв было три. Убийца расправился с женщинами с особой жестокостью. Одна была найдена в реке, вторая – в водопаде, третья – в ущелье Абхазии. Обрезанные волосы, обезображенные лица, необычные уродливые раны на теле – все говорило об особом почерке маньяка. Но это произошло более полугода назад. Драгоценное время на поимку преступника упущено, следствие в тупике. Осталось уповать на чудо или... Методы специалиста по профайлингу Киры Вергасовой неоднозначны, непонятны, выводят из себя коллег, но они – единственное, что еще может дать результат в этом непростом деле. Очень скоро Кира убеждается, что все эти месяцы следствие двигалось не в том направлении. А после того как появилась четвертая жертва, она поняла: убийца – не просто маньяк, а самый настоящий изобретатель пыток... Почему она так уверена? Возможно, потому, что сама когда-то была в роли жертвы и знает, как ведет себя нелюдь, почувствовавший запах крови...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-192044-9

© Ивлиева Ю. Ф., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	13
Глава 4	21
Глава 5	28
Глава 6	31
Глава 7	34
Глава 8	40
Глава 9	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Юлия Ивлиева Ген хищника

*В книге присутствуют как реальные места,
события и герои, так и допущения,
географические и прецедентные.*

© Ивлиева Ю.Ф., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Пролог

От запаха мокрой собачьей шерсти тошнило. Комок рвотной массы подкатил к горлу. Она проглотила его усилием воли и выдохнула через нос – рот был заклеен скотчем. Она отчаянно пыталась не задохнуться от подкатывающей к горлу рвотной массы и вони псины.

Зура, беспородная дворняжка размером с немецкую овчарку, лохматая и нечесаная. Старое и спокойное животное, никогда в своей жизни еще никого не покусало, радостно повизгивало на любую ласку, а сейчас помалкивало. Собака не понимала, почему в промозглый дождливый день должна отдать свою конуру другому существу. Не в силах выгнать незваного гостя, Зура втиснулась в сырое грязное пространство, затолкав захватчика территории в глубь своего жилища, сделав вид, что в конуре она одна.

Гостье в конуре Зуры приходилось тяжело. Воздух совсем перестал поступать, все пространство заполнили шерсть и сырость. Ключки волос и подшерстка прилипли к лицу. Связанная по рукам и ногам, она не могла ни пошевелиться, ни перевернуться. Лишь старалась медленно вдыхать через нос, чтобы в него попало как можно меньше собачьего пуха, и с силой выдыхать, чтобы вытолкнуть ошметки шерсти из носа. Тело онемело. Затекло. Зура раздраженно возилась, потом, засопев, уснула. Время, казалось, тянулось бесконечно. Собачий ошейник на ее шее больно давил, царапины и синяки на теле саднили. По крыше конуры колотил и колотил дождь. Вода стала подтекать под будку. Спину и ноги колото от холода и долгого лежания в одном положении. Потом все ощущения пропали. Казалось, ее тело умерло и осталось умереть только сознанию. Она прикрыла глаза, уже ничего не ожидая.

«Ты животное! Ты не человек! Ты ничтожество, недостойное жизни! – Слова визгливо звенели в голове. – Разве ты можешь делать то, что делают люди? Нет! Ты не можешь! Обрубок! Свиноматка! Самовар!»

Каждое оскорбление, казалось, как хлыстом лупило по ней. Крики хороводом кружились вокруг, мелькали хохочущие лица.

«Животное должно жить в клетке! Тебе подойдет конура!»

Ее пихали и толкали, щипали и били. Она постаралась отключиться и ничего не слышать. Старалась не чувствовать и не думать. Она только пристально смотрела на издевающуюся над ней девчонку, краснолицую, распаленную от азарта и пыток. Отмечала каждую ее ухмылку, гримасу.

Время, казалось, остановилось совсем. Зура не двигалась. Ни один собачий мускул не шевелился. Вдруг собака дернулась. Псина вскочила и выбежала под проливной дождь, виляя хвостом. Она почуяла запах еды – горячего месива из хлеба, молока, консервов. В окошке конуры появились черные резиновые сапоги.

– Что за черт! – выругался их обладатель. Он не спеша поставил собачью миску на землю, обогнул принявшуюся лакать месиво Зуру.

В просвете конуры не появилось лицо, в дырку просто пролезла рука, узловатая и грубая, нашарив рукав куртки, вытащила пленницу наружу.

– И какой плесени тебе там понадобилось? Что за игры по собачьим будкам лазить? – глухо и безразлично пробормотал мужчина. Он не удивился тому, что она в будке, не сердился, не злился. Просто ему нужно было что-то сказать. Он сдернул кусок скотча с ее лица. Из освобожденного рта выплеснулась рвота. Наконец-то можно было не бояться захлебнуться в собственных рвотных массах.

Мужчина выпустил ее из рук. Она снова упала на землю, лицом в грязь, размытую дождем. Краем ключа он полоснул по скотчу на ее руках, потом на ногах, клацнул замок ошейника.

Она продолжала лежать в грязи на животе. Рвать ее перестало, но подняться не хватало сил.

Мужчина потянул освобожденную пленницу за капюшон, слегка потрянул и поставил на ноги, облокотив на собачью будку. Она еле стояла, до побелевших пальцев вцепившись в мокрые доски. Рыдая, прохрипела:

– Я не играла. Не я...

Он будто не расслышал ее. Словно не видел ее разодранной одежды, истыканного палкой лица, ссадин в прорехах грязных джинсов. Будто не понимал, что она сама не могла связать себе ноги и руки, наклеить кляп.

– Не играй так больше. Не лезь к собаке. Не дело это. Домой иди, – бурчал он, надевая ошейник на Зуру, проверяя, надежна ли цепь.

– Не я... Как же я смогла бы...

– Не шали... И помалкивай... – более строго велел он, впервые глянув ей в глаза, и пошел прочь.

Она будет помалкивать. Молчать. Только бы и в следующий раз Зура дернулась, почувствовав еду. Только бы появились в проеме будки черные резиновые сапоги.

Как же долго тянулось время. Может быть, оно уже прошло?

Глава 1

Черт бы побрал того урода, который придумал будильник. Даже если на смартфоне полностью разрядится аккумулятор, сигнал будильника прорежется сквозь мертвую тьму и, проникнув прямоком в мозг, будет выклеивать каждый нейрон, вытягивать все до единого аксоны. Он отнимет каждое мгновение такого ценного сна. Даже не сна, а беспамятства, в которое впадала Кира под утро.

Пока девушка шарила рукой по полке рядом с кроватью в поисках телефона, она осознала, что ее разбудил не будильник, а телефонный звонок. Этот чертов аппарат не разрядился, хотя вчера она не поставила его на зарядку. Наоборот, он демонстрировал полную работоспособность и семь пятнадцать утра.

Не представляя, кто мог разбудить ее в это время, и не найдя в наборе цифр телефона знакомой комбинации, девушка все-таки ткнула в зеленый кружок и выдавила из себя: «Да».

Говорила ей тетка «не пей водку – станешь шлюхой». А вот о том, что водкой можно считать любой алкоголь, в зависимости от употребленного количества, предупредить забыла.

Сухим красным вином до беспамятства налакаться, оказалось, как нефиг делать. Особенно если с него начинать, а заканчивать «Егермейстером»¹ и коктейлем «Космополитен». Кира с трудом вспомнила вчерашний вечер, начинавшийся как пижамная вечеринка в студии танцев. А вот за то, что их потом, к счастью, не в пижамах, по ночным клубам отлавливали, благодарить надо нехватку того самого сухого красного, в недостаточном количестве принесенного в студию изначально. Не настолько одиннадцать девчонок оказались пьяны, чтобы, переодевшись, не отправиться за добавкой.

Впрочем, Кира становится или мудрее, или старее. Проснулась она в своей кровати в одиночестве, в трусах и, вообще чудо, – умытой.

Незнакомый серьезный голос что-то четко и с расстановкой твердил в трубку. По мурашкам на коже и по неким ощущениям пятой точки она догадалась – звонил товарищ из «органов». Имя-отчество она пропустила, а вот «полковник» услышала явственно. Интонации голоса скорее просили, чем приказывали, и это удивляло.

Как Кира ни пыталась, а сложить слова в смысловую конструкцию не смогла. Насколько легко, весело и восхитительно ей было вчера, ровно настолько хреново она себя чувствовала сегодня. Попытку вспомнить, есть ли в холодильнике «Ессентуки», нарушил требовательным тоном произнесенный вопрос:

– Вы подойдете? Я выписываю на вас пропуск?

Кира тяжело вздохнула и спросила:

– Куда я должна подойти и зачем?

– Я только что вам все объяснил, – напомнил серьезный голос.

Кира снова тяжело вздохнула:

– Ну а я не услышала... Не разобрала... – Девушка разозлилась на саму себя. Здесь звонивший был ни при чем. Ее обычная реакция на перебор с алкоголем. С детства она пребывала в уверенности, что алкоголь – это плохо. И это «плохо» ей нравилось. Нечасто, хорошего качества, в подходящей компании, иногда чересчур в большом количестве, но чертовски нравилось. Перепив вечером и покуролесив вдоволь, она обычно сожалела о содеянном наутро и злилась на себя, что не владела собой. А через какое-то время вновь позволяла себе лишнее.

– Послушайте, – громче и разборчивее проговорила она в трубку, меняя сонную интонацию на уставшую и терпеливую. – Я с бодуна, у меня болит голова, меня тошнит, еще бросает то в жар, то в холод, и, кажется, слегка трясутся руки. Я легла спать часа в четыре ночи

---

¹ Jägermeister – немецкий крепкий ликер, настоянный на травах.

и могла бы избежать части описанных мной симптомов, если бы вы меня не разбудили. А так как от меня что-то все-таки нужно вам, то самое минимальное, что вы можете сделать, дабы я не воспользовалась своим правом бросить трубку, это повторить, что вам от меня нужно.

– Утра... – проговорил голос после долгой паузы, и Кира явно слышала в нем насмешливые нотки.

– Что – утра?

– Четыре – это не ночи, а утра.

– Хорошо. Утра, – согласилась девушка.

– Меня зовут Дмитрий Юрьевич Вольцев. Я полковник МВД. Сейчас у меня в расследовании находится очень неординарное дело. Убиты несколько женщин. По всей видимости, три. Убиты жестоким и необычным способом. Мне нужна ваша консультация. Я приглашаю вас к себе в Управление МВД, к тринадцати часам. Подойдете? Пропуск выпишу. Адрес вам пришлю.

– А кроме меня, вас никто проконсультировать не может? Я давно не занимаюсь такого рода делами. Меня даже каких-то там прав заниматься подобным лишили. – Кира постаралась придать голосу уверенность, а речи – разборчивость. Она не могла сразу определить, обрадовалась она предложению или разозлилась. Пока лишь удивилась. Вот уж не ожидала, что еще когда-нибудь понадобится государству. – А еще у меня не самая хорошая репутация в этой области, мои консультации плохо заканчиваются.

– Репутация – это общее мнение. Меня не интересует чужое мнение и безразлична ваша репутация, мне нужны ваши знания. Мне необходим лучший специалист.

– Подкупаете? – засмеялась Кира. – Лестью. Грубо и напрямую.

– Я готов подкупить вас деньгами и любыми другими благами, которые только позволят моя должность и возможности. Мне действительно нужна ваша помощь, – абсолютно серьезно отозвался полковник.

– Хорошо. Выписывайте пропуск. Я приеду.

Кира отключила телефон и поставила его на зарядку.

– Черт бы побрал полковников, чиновников и убийц! – выругалась она и шмыгнула носом, сдерживая слезы досады. – И жертв, если на то пошло, тоже.

Она вылезла из кровати и отправилась на кухню. В холодильнике нашлась бутылка минералки. Запив три таблетки аспаркама и одну цитрамона прямо из горлышка, Кира уставилась в окно.

Она долго представляла этот разговор. Ну, хорошо, не конкретно этот – подобный. Почти год ждала, что позвонят, скажут, как сожалеют, как ошибались и, вообще, совершили страшную ошибку, готовы публично приносить извинения, компенсировать дарами, искупить кровью. А она будет снисходительна и терпима, ну или резка и мстительна. И точно никогда ни за что, ни под каким предлогом больше в подобное не вляпается. Но время шло, ей так и не позвонили. От нее избавились, и никто об этом не пожалел. Никто не вспомнил и не хватился. Никому умная, талантливая и прекрасная Кира Вергасова не понадобилась.

И она перетерпела, смирилась, успокоилась. Наверное, даже отпустила и забыла. Наладила собственную жизнь в рамках тех возможностей, которые имела сейчас. Поменяла образ существования, работу, привычки. Сменила иллюзии и мечты. И вот, когда она уже гордилась собой, тем, что смогла, справилась, придумала и обрела новую себя, они позвонили...

Киру трясло от злости на себя и от головной боли, а еще от похмелья. Окна выходили на узкую полоску деревьев и на реку. Зеленые кроны колыхались под порывами ветра. Допив бутылку соленой минералки, она почувствовала себя лучше. Кира выстраивала свою жизнь по кирпичику не для того, чтобы сейчас как разъяренная кошка трястись у окна, потеряв душевное равновесие из-за короткого звонка.

Она прищурилась на пару секунд, размышляя, и пошла одеваться. Пока девушка шла до машины, ее дважды чуть не унесло ветром. Один раз в пролете между домами, ей уже чудилось, что она сейчас воспарит, как на крыльях, на полах своего распахнутого стильного тренча, и второй раз – вместе с дверью «Мини Купера» Джона Воркса. Сердце сжалось в комок, когда тяжелая дверь купе резко распахнулась на максимум, пригрозив отвалиться, и Кира буквально на карачках вползала в машину, с силой притягивая широкую дверь к дверному проему.

– Отличный климат! – выдохнула она, смеясь и оглядывая улицу через лобовое стекло. Мамаши бежали вслед за колясками, хозяйки за собачками, все колыхалось и несло.

А климат она действительно считала прекрасным. Лучшим из тех, что могла предложить Россия, если рассматривать города-миллионники.

Когда, два года назад, Кира покидала суетливую, спешащую и вечно бодрствующую Москву, она осознанно выбрала Краснодар. В целом ей было все равно, где поселиться. Она бежала. Чужими ощущала все города страны, и даже Москву, в которой выросла. Жизнь в маленьком городе не рассматривала. Комфорт и хороший быт могут предложить только большие города. А из десятки самых больших городов России Краснодар оказался самым южным.

Почти круглогодичное лето и близость моря стали решающим фактором при ее выборе нового места жительства. Город ее не разочаровал. Сейчас в европейской части страны уже всю властвовали холод, слякоть, грязная мешанина из снега и реагента. А Краснодар нежился в лучах солнца, в нем зеленели деревья, благоухали цветы. Со вчерашнего дня зарядил дождь, и ветер буянил по дворам, но это на пару дней, не более. Легкая передышка перед вторым витком лета. Полноценная осень в Краснодар придет не ранее конца ноября.

Море. Первое время Кира почти постоянно каталась по морю на кораблике, подолгу сидела на берегу, глядя на переливы волн, даже под Новый год купалась в ледяной воде и по-детски радовалась штормам.

Греясь в лучах солнца и подставляя лицо соленым брызгам, она лишь хмыкала и пожимала плечами, вспоминая былые обиды и неудачи, сложности и проблемы.

Наверное, этим и вылечилась. Во всяком случае, она так думала.

Глава 2

Полчаса размеренного движения по улицам города – и она припарковала машину на маленькой стоянке у здания, напоминавшего склад. Кирпичные стены, выкрашенные в белый цвет, узкие, словно бойницы, окна. Фасад здания выходил на большую улицу, и с той стороны его отделали каменными плитами. Выглядело презентабельно. А вкладывать деньги в стены, невидимые посторонним взорам, не спешили. В этом районе Краснодара дома стояли плотными шеренгами и ветер властвовал меньше, но памятуя о непогоде, она поспешно выскользнула из автомобиля и забежала под неброскую вывеску «Клуб единоборств “Бульдог”».

Спустя час с Киры ручьями стекал пот, даже широкие шорты, мотавшиеся колоколом в начале тренировки, прилипли к ногам.

– Ну что ты вокруг нее танцуешь! Не здесь танцевать будешь! Давай! – орал Аркадий, брызгая слюной и сверля девчонок суровым взглядом.

– Бей! Бей! Выше!

– Все! – завопила Вика, ее партнерша, перекрестила руки в перчатках и быстро отошла.

– Я тоже, – выдохнула Кира.

– Ты отлично держишь удар, хорошо ставишь защиту, но бьешь слабо, неуверенно, – комментировал тренер. – Боишься.

– Она меня жалеет, – хмыкнула Вика, вытираясь полотенцем и беря бутылку с водой. – Бойтса сделать больно.

Аркадий пожал плечами.

– Ты мужика ей приведи. – Вика смеялась сквозь воду, булькающую во рту. – Вот на нем она оторвется.

– Глупенькие вы, – тренер покачал головой. – Бокс не решает проблем с головой, кроме тех, которые решаются сотрясением мозга. – Мужской удар – это принципиально другая сила, вектор...

Кира тоже взяла бутылку с водой.

– Ты обещал! – напомнила она, уставившись на тренера не моргая. – Ты обещал выставить против меня парня!

– Я над этим думаю, – не стал возражать Аркадий. – Тут кто попало не подойдет. Весовая категория должна быть хотя бы приблизительно твоя.

Вика захохотала в голос, брызнув изо рта водой.

– Подростка, что ли, приведешь?

Кира тоже посмотрела исподлобья, не отрываясь от бутылки с водой.

Она, безусловно, считала себя сильной. А еще крепкой, проворной и смелой. Но это не меняло ее внешности. Рост девушки едва перешагнул отметку метр шестьдесят, а вес не поднимался выше пятидесяти двух со всеми мышцами, что она набрала за последние два года, непрерывно и усиленно тренируясь.

– Будет тебе мужик! Такой мужик, что как бы потом мозги не пришлось по всему залу собирать! – отмахнулся Аркадий.

– Я больше переживаю за зубы, – хихикнула Кира.

– Зубы? Зубы вставишь искусственные! – передразнил тренер и пошел к соседнему рингу.

Кира накинула полотенце на шею и приготовилась перелезть через резинки. Почти час на ринге, она вымокла, как мышь в бассейне, но вместе с потом голову покинули дурные мысли, несбывшиеся мечты и злость на саму себя.

– Тебе не нравится бокс по-настоящему. Ты боксируешь не для себя и не для удовольствия. – Вика стерла пот с ее руки, проведя пальцем снизу вверх. – Ты учишься бить. Бить без страха и сомнений.

– Но успехов в этом пока не достигла, если ты слышала Аркадия, – вздохнула Кира. Подруга была права. Не поспоришь.

– Возможно, тебе действительно поможет небольшое сотрясение мозга, – просияла девушка. – Или партнер, которого ты захочешь отлупить.

– Сашенька, голубчик, – всхлипнула она игриво и с придыханием, копируя Анастасию из кинофильма «Гардемарины».

Вика нахмурилась.

Этот мальчик вызывал в Кире целую бурю эмоций. Мужчиной его не поворачивался назвать язык. Обладатель абсолютно ангельской, иконописной, внешности. Белокурые волосы, которые вились бы локонами, если бы он не стригся коротко, ясные голубые и бездонные глаза, ровный носик, по-детски пухлые губы. Но главное, спокойный, безмятежный взгляд, неторопливые движения, бесконечное терпение и снисхождение в глубине слегка смеющихся глаз. В нем жил ангел и дьявол одновременно. Это чудо мужского пола преподавало направление «лес». Такая разновидность рукопашного боя и специальной подготовки, после которой человека можно смело выпускать в зимний лес в одних трусах. И он не просто выживет и не заблудится, а еще подручными средствами, изготовленными из попавшейся по пути березы, положит вооруженную роту солдат в полной амуниции.

Кира однажды застала бой Сашеньки с каким-то там его бывшим сослуживцем и поняла: удивительно, но, оказывается, есть на свете мужчина, на которого она готова глядеть восторженно-преданным взором, для кого будет рожать и воспитывать детей и беззаветно служить кухаркой и уборщицей.

Поняла, почему он никогда не красуется в спаррингах, не демонстрирует боевого мастерства и только словами объясняет, что и как делать. Перед ней порхало смертоносное оружие в облике ангела. Пока палки, которыми орудовали бойцы, мелькали над мужскими головами и под коленками, утыкались в крепкие мускулистые тела и колошматили по плечам, Кира ощущала, как тает и превращается в мягкую массу ее сердце. Чтобы лужа от ее главного жизнетворящего органа не утекла под ноги ненаглядного Сашеньки, она спешно покинула зал и с тех пор старалась обходить юношу стороной. Даже не интересовалась, где у нас такие супербойцы служат, его семейным и социальным статусом. Вздохи и хихиканье издали – это все, что она себе позволяла.

– Вау! Огонь! – комментировали находящиеся в зале мужики.

Кира и Вика покинули зал. Кира, едва приняв душ, тут же убежала, поняв, что уже опаздывает на свидание к полковнику. Она не видела, как Вика нахмурилась и обиженно прикусила губу, не найдя подругу в раздевалке.

Глава 3

Кира нещадно опаздывала. Выехав на Октябрьскую, она не стала кружить по улицам в поисках парковки, а приткнула машину на ближайшем подвернувшемся месте и пошла к дому сто двадцать один пешком.

Только сейчас она подумала, что совсем не позаботилась о том, как хотела бы выглядеть в государственном учреждении и какое впечатление произвести на полковника Вольцева.

В целом Кира никогда не переживала по поводу своей внешности. Ну, может быть, в школе, из-за маленького роста. В первую очередь ее растили очень умненькой девочкой и только после этого, может быть, хорошенькой.

Она принадлежала к тем несчастным женщинам, набирающим вес от одного запаха шоколада, поэтому уже подростком приучила себя не пихать в рот все, что не приколочено. Занятия спортом воспринимала как данность. Прошла почти все, что только возможно в спорте и танцах: пилатес, йогу, кроссфит, восточные танцы, степ, хотя по-настоящему так ничем и не увлеклась. Зато ее фигурка отличалась изяществом и грациозностью. Над своей внешностью Кира работала осознанно, продуманно, как всякая очень умная женщина. Выбирала оттенок волос со специалистом и остановилась на глубоком гречишно-медовом, не слишком отличающемся от природного, но ярче. Косметикой почти не пользовалась, наращенных ресниц ей хватало, чтобы подчеркнуть глубокий серый цвет глаз и чувствовать себя красавицей. А вот одежду предпочитала яркую, необычно скроенную, асимметричную, обтягивающую все нужное и в то же время балахонистую и развевающуюся.

Лейтенант на пропускном посту хмыкнул, оглядывая ее, пожалуй, слишком экстравагантный и яркий, желто-черный наряд. Широкую юбку-брюки, путаного и сложного кроя, в японском стиле, узкую трикотажную майку, словно корсет, обтягивающую грудь без бюстгалтера. Это она еще сжалась над государственными служащими, застегнула поперечную молнию под грудью и оставила в машине асимметричный и чудачковатый тренч с капюшоном. Как она и думала, погода сменилась, солнце уже припекло и напомнило, что лето продолжается.

В европейских брендах лейтенанту не полагалось разбираться по определению. Ему полагалось проверять документы и выдавать пропуски. Что он и сделал.

В целом Кира опоздала на три минуты и решила не расстраиваться по этому поводу.

Седой, с насмешливым, пронизательным серым взором мужчина в форме полковника полиции встал из-за стола ей навстречу. Он будто сошел с экрана телевизора. Во всяком случае, именно такими Кира представляла крутых следователей из разряда «Следствие ведут знатоки» времен Советского Союза. Кира едва доставала мужчине до плеча и рядом с его подтянутой, невзирая на возраст, за пятьдесят точно было, брутальной фигурой почувствовала себя дюймовочкой.

– Рад, что вы нашли время заехать к нам, – приветствовал он.

– Точно. Я только заехала, еще ни на что не согласилась, – напомнила Кира.

– Надеюсь, что согласитесь, – лукаво улыбнулся полковник.

Кира не готовилась к разговору, хотя с порога собиралась напомнить, что ее не только вышвырнули словно беспородного кутенка из их пресловутых «органов», но и чуть не убили. И никто не посмотрел на то, что она «самый лучший специалист» в своей области. Но, во-первых, время качать права уже прошло и стало как-то неинтересно это делать. А во-вторых, она расположилась в кресле напротив большого надежного человека, который производил впечатление, что знает намного больше, чем говорит, и почувствовала себя уютно и спокойно. Почти забыла, зачем пришла.

– Три дня назад одна из туристок Российской Федерации, Марина Алексеевна Филимонова, учительница биологии, тысяча девятьсот восемьдесят второго года рождения, зарегистри-

стрированная и проживающая в городе Воронеже и находящаяся на отдыхе в поселке Лазаревское, въехала в Абхазию в составе туристической группы. Пересекали границу на автобусе тридцать два человека, господи прости, – вздохнул полковник. – Что за черт их всех в эту Абхазию несет. Успели посетить озеро Рицу, какие-то там торговые точки, затем пересели на джипы. – Здесь Дмитрий Юрьевич закатил глаза.

Кира видела эти джипы, старые раздолбанные «уазики», переделанные умельцами для езды по бездорожью.

– Джипы поехали на Гегский водопад. После посещения водопада Марина Филимонова пропала. Три дня ее искали местные. И вот река Юпшара вынесла труп женщины. Изначальная версия была таковой: она самовольно отбилась от группы, полезла в горы для... для... ну, фотографий самой себя... – Полковник злился не на забытое чудное слово, скорее на абсурд этой самой версии смерти.

– Селфи, – подсказала Кира. Вольцев рассказывал печальную историю, но ей почему-то очень хотелось ему улыбаться. Она и улыбалась, все время себя одергивая.

– Да, хотела сделать крутое селфи, поскользнулась, упала куда-то в ущелье, наверное, сразу убилась, а может быть, и позже умерла. Эксперты по этому поводу еще ничего не сказали. В общем, прошли дожди, реки поднялись, и труп наконец-то вынесло. Его доставили в наш морг.

– Довольно распространенная история, – пожала плечами Кира. – Если убрать влияние природных стихий. Сейчас ради фоточки люди готовы рискнуть многим.

– А вот и фоточки. – Полковник достал из папки стопку карточек и протянул Кире. – Зрелище не самое приятное, предупреждаю.

Кира трупы и в реальности видела, не на фото, но собрала все свое самообладание, чтобы не показаться полковнику слишком чувствительной особой.

Перед Кирой предстало покоренное женское тело, с неестественно согнутыми конечностями и вывернутой головой, распластанное на покрытом крупной галькой берегу горной реки. Падение в ущелье, путешествие по порогам и устьям реки могло легко поломать и потрепать тело, но оставить другие раны, которые были явственно видны на фото, вряд ли сумело бы.

Лицо и тело женщины было истыкано острым предметом. В предплечье, ключице, щеке все еще торчали короткие деревянные палочки-веточки, воткнутые так глубоко, что не выскочили из тела даже после нахождения в реке. Кроме того, труп расчерчивали линии, сделанные бритвой или ножом от макушки до пяток, – волнистые порезы, вывернутые наружу на разбухшем от пребывания в воде теле. Кира не удержалась и поморщилась. Полковник ничего не сказал. Кроме того, у Марины Филимоновой были неровно острижены волосы, клочками, кое-где до содранной кожи.

– То есть вы хотите сказать, что Марина Алексеевна полезла делать селфи, упала в ущелье и выплыла голой, истыканной заточкой, лысой и порезанной ножом? Вам бы фэнтези писать! – За недоброй ухмылкой Кира хотела скрыть злость.

– Мы-то в основном протоколы и отчеты пишем, поэтому делать выводы я пригласил вас, – не повелся на провокацию полковник.

– Над созданием такого вида у трупа явно поработали не только ущелье, дождь и река, – заключила Кира.

– Вот и местным пришлось признать, что на неудачное селфи никак не свалишь, – с хмурым видом согласился Вольцев. – Тело доставили к нам. Расследование ведем тоже мы.

Кира кивнула. Что от нее хотел полковник уголовного розыска, она пока не понимала.

– Есть у меня старая советская привычка, Кира Даниловна. Я всегда смотрю сводки и отчеты. Не пропускаю. Даже если дела не криминальные и не уголовные, и даже если вообще не были возбуждены дела. Я просматриваю статистику. В нашем деле очень хорошую роль играет «насмотренность». Странное выражение, согласен. Но точнее не выразиться.

Кира внимательно слушала. И прекрасно отдавала себе отчет, что попала под обаяние этого прожженного следователя, несмотря на смену государственного строя и ценностей, по-прежнему считавшего себя стражем на посту. Защитником, охранявшим мирных граждан от преступников.

– С полгода назад случилось в нашем городе происшествие. Женщина бросилась в реку. Сочли самоубийством, дело закрыли. Вот оно-то мне и вспомнилось в связи с этими фотографиями. – Он протянул Кире еще одну стопку карточек. – Наталья Андреевна Веденева, тридцать пять лет, не замужем, проживает в Краснодаре.

Кира взглянула и покачала головой:

– Самоубийство? Серьезно?

На фотографиях снова был запечатлен труп утопленницы. Раздутый и посиневший. Вроде ничего особенного. Но Кира уже видела фото первой жертвы, после них в глаза бросались колотые раны на лице и по всему телу. Раны, кстати, очень необычной формы. Кира вытащила фотографию из первой пачки и, прищурившись, взгляделась еще раз. Интересно. Раны были нанесены оружием с оригинальным сечением. Половина круглая, просто пика, а вторая половина состояла из трех острых лучей. След от него был похож на солнышко, нарисованное детской рукой. Как при подобных травмах можно дать заключение, что произошло самоубийство?

– Там молодой человек рассказал, что самоубийца имела склонность к нанесению себе... не увечий, ну, отметин. И с ножиком ловко обращалась, – предугадал полковник возмущение собеседницы.

Вольцев достал из ящика своего стола третью папку. Кира закатила глаза и грубо рассмеялась:

– Как я погляжу, у вас тут девок режут не по-детски! А вы только об этом догадались.

– К сожалению, да, – в голосе полковника не было ни раздражения, ни укора, только сожаление.

– Три месяца назад Ольга Сергеевна Агафонова, тысяча девятьсот восемьдесят четвертого года рождения, проживающая в Республике Адыгея, отправилась после работы к подруге в гости, тоже проживающей в Адыгее. Где-то по пути исчезла, искали три дня, потом нашли труп в горах. Дело не раскрыто. Есть кое-какие протоколы опросов. Но дело вели в Адыгее, я его сейчас-то нашел случайно. Другу позвонил.

Кира просматривала фотографии. Колотые раны, порезы, волосы на месте.

– И что решили тогда?

– Решили, что ее пытали, хотели узнать код от банковской карты.

– И много там денег было, на банковской карте? – поинтересовалась Кира безликим тоном, по смущению Дмитрия Юрьевича, понимая, что ответ окажется глупым и смешным.

– Ползарплаты.

– О! Тысяч двадцать?

– Шестнадцать.

– Только из этого можно предположить психологические отклонения у преступника, – закатила глаза девушка. – Но вы не догадались?

Кира, как никто, знала, что в нашей стране маньяков не любят. Понятно, что их никто не любит и боятся, явление это пугающее и антисоциальное. Но «не любят» в данном случае – не желают признавать, что они существуют. Что совершают убийства и являются психопатами, которых невозможно понять и спрогнозировать их действия. А значит, ловить будет непросто.

Когда речь идет о маньяке, каждое новое преступление, каждая очередная жертва ложится грузом вины на плечи тех, кто расследует эти убийства. Потому что это они не успели остановить злодея до того, как он совершил новое преступление. До того как убил. Чтобы поймать преступника, нужно сработать на опережение. По сути, предотвратить следующее пре-

ступление. А полиция так не работает. Не умеет. Полиция приезжает на место преступления уже после того, когда страшное случилось. Все закончилось, и ничем помочь нельзя.

Расследование? Конечно, проведем, отыщем виновного. А то, что жертве уже все равно, ну так что ж с этим поделаться. Ну кто ж знал, что произойдет убийство? А вот в случае действий серийного убийцы – знали. Знали, но не остановили. Не помогли. Виновны.

Кира положила бо́льшую часть своей жизни на то, чтобы научиться в несущественных на первый взгляд поступках, действиях, в едва уловимых намеках угадывать преступника. Определять того, кто способен убивать. Угадывать в человеке убийцу еще тогда, когда он сам не знает, что встал на кривую дорожку злодеяний.

– Нет, не догадались, – признал полковник. – А теперь у нас три убийства, очевидно, совершенные человеком с психическими отклонениями. Сложность в том, что два из них совершены давно. Об уликах, следах и прочих следственных мероприятиях речь уже не идет. В общем, мы нуждаемся в специалисте вашего профиля.

– Специaliste по маньякам? – хихикнула Кира, вспомнив, как ее называли в интернете и прессе после того скандала.

– Специaliste по психопатологии, – уточнил Вольцев. – Лучшем специалисте. Потому что без вас, как мне подсказывает мое чутье, а оно меня никогда не подводило, мы убийцу не найдем. Искать будем долго, – поправился Вольцев, не желая демонстрировать уж совсем свою беспомощность. – А женские трупы будут еще. В этом я уверен.

Кира молчала. И Вольцев заговорил снова:

– Я понимаю, что после всего, что с вами произошло, у вас нет никакого желания сотрудничать с МВД, ФСБ и нашим государством вообще. Я понимаю, что деньгами вас не заманить. Американский и, кажется, шведский журналы и еще телепередача оценили ваши знания по достоинству, в отличие от соотечественников. Вы ведете интересную и весьма благополучную жизнь.

– Вы хорошо осведомлены, – сухо заметила Кира.

Она действительно сотрудничала с двумя изданиями на постоянной основе. Писала статьи по психологии. В американский «Анандетифайд психолоджи обджект», «Неопознанный психологический объект», и французский журнал «Психолоджи профисьонель». Была консультантом в телевизионной передаче, идущей в Норвегии и занимающейся решением психологических проблем своих граждан, иногда переводила статьи. Оплата работы в валюте иностранных государств позволяла Кире жить с комфортом, занимаясь при этом тем, что она умела делать.

– Я готовился, – с лукавым видом признался полковник. – И про квартиру, доставшуюся в наследство от тетки, тоже знаю.

Девушка улыбнулась. В Москве у нее осталась квартира, Кира сдавала ее через агентство, но в скором времени собиралась продать.

– Поэтому я хочу воззвать к вашей совести, – продолжил Дмитрий Юрьевич.

Кира захохотала в голос. Звонко и залиvisto. Покраснела, прослезилась. Полковник улыбался и терпеливо ждал, когда она успокоится. О том, как тяжело ему давалось сохранить спокойствие, девушка не думала. О том, что отдувается Вольцев не за себя, тоже.

– Когда мне говорят про совесть, честь и мораль, я понимаю, сейчас мной будут активно манипулировать и, скорее всего, обманывать, – наконец проговорила Кира. – А на патриотизм у меня и вовсе аллергия.

Полковник горько улыбнулся:

– Могу тебя понять.

– Да ладно? – Кира зло прищурилась, не замечая, что Дмитрий Юрьевич перешел на «ты». – Где вы все были два года назад, со своим пониманием?

– Очень хорошо понимаю! – полковник повысил голос и встал. – И передачу ту злополучную смотрел раз десять, и дело читал, под грифом «Особо секретно». И права ты была в каждом своем слове. И нет у людей ни стыда, ни совести, раз навалились на девчонку и угробили жизнь. И волосы дыбом у меня вставали, потому что сесть уже нечему, едва я только представил тебя в той могиле...

Кира не мигая смотрела перед собой.

Психология занимала ее всегда. Еще лет в десять она нашла у маминой подруги книжку с психологическими тестами, и вскоре вместо сказок, фантастики и любовных романов все места на книжных полках заняли учебники по психологии.

Двенадцатилетняя девочка спокойно оперировала терминами «шизоидная эмболия» и «обсессия вследствие когнитивного диссонанса», повергая знакомых в шок и панику. Английский и французский она выучила, изучая труды иностранных психологов. Вопросы, куда поступать, не было. Первая в учебе, активная во всех психологических сообществах, форумах, конференциях. Погруженная в науку, она не очень тяжело пережила смерть мамы, тихо умершей от онкологии. Тетка, единственная, кто у нее остался, нашла грант на обучение в Сакраменто, США. Квартира матери ушла на оплату расходов, связанных с обучением, но у Киры было шесть головокружительных лет обучения в Калифорния Стейт Университи. Несколько научных публикаций, опыт публичных выступлений. Казалось, в родной России ее ждет гарантированная головокружительная карьера. Она еще не купила билета на родину, а уже была принята в Центр психологической диагностики центрального управления МВД, на должность психолога, специализирующегося на психопатологии. Яркая и харизматичная, с хорошо поставленной дикцией и без страха сцены, Кира сразу засверкала на конференциях, телевидении и радио, громко и открыто вещая о профессиональной пригодности исполнительных и правоохранительных служб. А дальше что-то пошло не так. Не то Кира плохо вникла в суть особенностей родственных связей, не то заняла чье-то место, не то просто слишком ярко засияла, вызывая кое у кого зависть. В общем, подставили ее банально и грубо. В прямом эфире предложили анонимно продиагностировать трех человек. Кира с готовностью принялась демонстрировать современные методики исследований и раскопала у всех трех представленных мужчин неконтролируемую агрессию, склонность к жестокости, умственную отсталость, проявление девиаций сексуального и несексуального характера и много еще чего.

– Что за маньяков вы мне подсунули? – весело отреагировала Кира на полученные результаты.

– Бойцы особого отряда реагирования «Альфа», – пробубнил явно растерявшийся ведущий.

А дальше пошло-поехало. Скандал в прессе быстро разрастался. «Что за монстры служат в наших “органах”?» – гласили самые невинные заголовки.

Трех бойцов уволили, и Киру тоже. И если Кира переживала личную драму в одиночестве – от нее как от зачумленной собаки сразу же стали шарахаться все друзья и коллеги, – то бойцы отряда «Альфа» подобной участи избежали. Более того, за них нашлось кому заступиться. Один оказался сыном губернатора, второй племянником депутата, третий тоже кем-то непростым, она уже не помнила кем. Ждать, когда скандал уляжется и все в их жизни снова вернется в привычное русло, brutальные ребята не хотели. Употребив приличное количество горячительных напитков под маркой «Джек Дэниэлс», они пришли к выводу, что корень всех их зол Кира Вергасова и зло это требует немедленной расправы... В полном снаряжении и с оружием. Кто-то еще верит, что в нашей стране его тяжело достать? Они ворвались к девушке в квартиру, избили, связали и уволокли в ближайшую лесную посадку. Под прицелом автомата и двух пистолетов они заставили Киру копать себе могилу. У трясушейся от страха и паники, израненной, истекающей кровью девушки копать получалось плохо. Ребята оказались заботливые, помогали.

Время близилось к утру, когда Кира, получив удар по затылку и между лопаток, рухнула в яму. Добры молодцы, воодушевленные ловко обтяпанным дельцем, закопали девчонку, не проверив, осталась ли она в живых. Только когда закопали, вспомнили умственно отсталым умом, что глубина могилы на кладбище два метра, а у них этот параметр не дотягивал, поэтому привалили свежезакопанную яму стволом лежащего неподалеку дерева.

Кире «несказанно повезло», как поведал ей следователь, навестивший ее в больнице. Соседка по подъезду вышла выгулять собаку, жизнерадостного корги Фокса, на два часа раньше обычного. Псина обожала Киру, никогда не обходившую собаку лаской, то почесывая, то потрепывая ее, а то и давая что-нибудь вкусненькое. Фокс учуял любимицу и с остервенением принялся раскапывать, рассчитывая получить от Киры очередную порцию ласки. Хозяйка разодрала руки поводком, оттаскивая Фокса, но пес ни в какую не желал покидать место преступления, визжал, лаял, кусал хозяйку.

Кира очнулась в кромешной темноте, еще не осознав, где находится, почувствовала, как задыхается. Земля проникла в нос и рот. Она кашляла, плевалась, вертела головой. Осознание того, что она в могиле, ошеломило. Девушка запаниковала, умирая от страха. Ее трясло в ознобе, не хватало воздуха, душили слезы. Даже после она так и не поняла, как у нее хватило сил совладать с собой, но она не сдалась, осмыслив, что если она хоть что-то сейчас не сделает, то умрет.

Могилка была неглубокой, а соответственно, и слой земли, которым закидали жертву, оказался не очень тяжелым. Кира умудрилась подтянуть к голове руку, утрамбовать землю перед лицом и, собрав все силы, – заорать, позвать на помощь. Ей казалось, что кричала она оглушительно, вопль долго стоял в ушах и погрузил девушку в беспамятство. Но снаружи слышался едва различимый писк, которому вторил корги Фокс, а за ним и понабежавшие со всей округи псы. Собачники раскопали Киру, вызвали «Скорую» и полицию.

– Да тебя даже не изнасиловали! – увещевал ее следователь, убеждая не давать делу ход, не скандалить и помалкивать.

– Не встал бы, – отвернулась от него Кира. – Пьяные в задницу были.

– Ну, пошутили неудачно ребята. Все обошлось.

Кира его почти не слышала. Больше всего она хотела, чтобы он ушел.

– Ты ничего не докажешь и ничего не добьешься. Знаешь, кто у них родители? Вот, кстати, это тебе. Компенсация за моральный ущерб, – он положил на тумбочку плотный конверт.

Кира не стала считать деньги, предназначенные ей за «моральный ущерб». Написала на конверте: «Вы их вырастили. Вы покрываете. Вы будете следующими, кого они закопают живьем». Она отправила конверт в штаб депутата, отца одного из ее палачей.

Выйдя из больницы, она хорошо понимала, что жизни в Москве, и тем более работы в госслужбе, у нее больше не будет. Сначала она планировала уехать в Калифорнию, у нее имелось образование, свободный язык, были друзья оттуда, готовые помогать. Но пандемия внесла коррективы в эти планы. Кира решила уехать в Краснодар, наслаждаться теплом, выстроить новую жизнь и дожидаться других возможностей.

И теперь представитель той самой системы, которая растоптала ее, чуть не убила и спихнула на обочину, пытается воззвать к ее совести и морали.

– Кто-то другой бы сдох в той могиле, – продолжал полковник Вольцев, сверля ее взглядом. Казалось, он старался проникнуть в глубь ее мозга, в центр мыслей, и донести напрямую, как она нужна ему и важна. – Просто от страха и паники бы сдох, поняв, где находится. А ты выбралась. И не сломалась, не спилась, не наложила на себя руки. Жива, здорова, красива и живешь интересной жизнью. Даже профессионально продолжаешь развиваться. Потому что ты сильная. Потому что у тебя есть внутренний стержень. А еще знания и навыки, с помощью

которых ты можешь вытащить саму себя из любой ж... ситуации. – Полковник помолчал, несколько раз тяжело вздохнул, успокаиваясь.

Как-то безразлично Кира отметила, что у него трясутся губы. Волнение? Скорее возмущение и злость. Неужели на ее обидчиков? Или просто негодование, что система раскидывается знающими кадрами? Полковник продолжил:

– А у женщин, которых убивают, этого нет. Не мне тебе рассказывать, что серийный убийца всегда выбирает жертву среди тех, кто слаб, не может дать отпор, имеет психику жертвы, несчастного человека. Их некому защищать. Убийства будут продолжаться. Мы должны найти убийцу до того, как он убьет снова.

Кира подняла на него взгляд. Полковник едва заметно кивнул и выдохнул.

«Решил, что достучался», – поняла Кира.

– Даже ты не можешь вытащить этих трех женщин из могилы. – Он кивнул на папки, разложенные на его столе. – Но ты можешь помочь не уложить туда других.

Кира кивала. Словно сомнамбула. У нее вдруг разболелась голова. Она понимала, что решение у нее уже есть, и злилась на себя за это.

– Я возьму тебя внештатным сотрудником, с окладом специалиста высшей категории, выпишу премию, с отчислениями...

Кира вымученно улыбнулась. Дмитрий Юрьевич тоже.

– Ну а как? Соцгарантии государственной службы. У тебя будет свободный график. Никто не будет нарушать уклад твоей жизни. Ну и я гарантирую тебе безопасность. Лично. Кого бы мы ни откопали.

– Я подумаю, – уклончиво сказала Кира.

– До вечера, – согласился полковник после паузы.

– Здоров! – услышала Кира низкий, с хрипотцой голос, после того как скрипнула дверь.

На девушку пахло смесью запахов бензина, кожи хорошей выделки и едва уловимого дорогого мужского парфюма.

– А стучаться тебя не учили? – невозмутимо уточнил Вольцев.

– Так ты сам назначил время. Значит, ждешь.

На Киру уставились наглые синие глаза. Их обладатель, казалось, пронзил ее ими насквозь, раздел, разглядел всю в подробностях и хихикнул над уточкой на ее трусиках.

Кира опустила взгляд долу и медленно подняла его на мужчину снова, постепенно разглядывая незнакомца. Его тяжелые байкерские ботинки, кожаные штаны с хорошей защитой, косуху, обшитую лейблами байкерских клубов. Ровное загорелое лицо с квадратным подбородком, нос правильной формы и снова эти наглые глаза. На лицо падала волнистая прядь, выбившаяся из перевязанного резинкой хвоста волос. Кира нацепила на лицо легкую улыбку и смело уставилась на незнакомца.

– Знакомьтесь, подполковник МВД Григорий Сергеевич Самбуров, – представил мужчину Дмитрий Юрьевич. – Он непосредственно ведет эти дела. Сотрудничать вам предстоит с ним.

Кира едва удержала ползущие на лоб глаза. Подполковники МВД у нас могут выглядеть так?

– А это та самая Кира Даниловна Вергасова, которую я уговариваю присоединиться к расследованию дела.

– Очень-очень рад! – подполковник в байкерской косухе восхищенно распахнул глаза и поиграл бровями.

Кира развернулась к Вольцеву и, ухмыляясь, уточнила:

– А это последний бонус, чтобы я согласилась?

– Как захочешь, – в тон ей ответил Вольцев, от его пронизательных глаз разошлись лучики, он смеялся. – Можешь даже растерзать его, если это доставит тебе удовольствие, желание-то его прибить и у меня бывает. Но после дела.

– Я позвоню, – кивнула Кира и вышла из кабинета.

Глава 4

Попасть в здание Управления МВД оказалось проще, чем оттуда выйти. Мальчик в погонах на входе не то слишком вошел в роль проверяющего дежурного и проникся властью, не то просто решил пофлиртовать с Кирой. Вот только Кира пребывала не в подходящем для этого настроении.

– Вы родились в Москве? Двадцать седьмого июля? А по какому адресу зарегистрированы? – посыпались на Киру вопросы. Лицо демонстрировало такую сосредоточенность, что хотелось пощелкать пальцами перед носом. «Ау! Вы дома?»

– У вас мой паспорт в руках, – напомнила Кира. – Там есть ответы на эти вопросы.

– У меня есть подозрение, что это не ваш паспорт, – все так же серьезно сообщил мальчик. – Отвечайте, пожалуйста.

У Киры возникли сомнения в его адекватности, но она по опыту знала, что шутки со служителями закона младших чинов могут выйти боком.

– Вы не похожи на себя. Делали пластическую операцию? – продолжал бесноваться лейтенант.

– Занимаюсь фейсфитнесом, – так же серьезно сообщила Кира. – Это гимнастика для лица, мышцы, как на теле, накачать можно, ну вот черты лица, наверное, немножко изменились. Наверное, перекачала.

– Я рекомендую поменять вам паспорт по причине сильного изменения внешности.

– Непременно воспользуюсь советом, – сквозь зубы процедила Кира. – Вот прям отсюда в паспортный стол и отправлюсь.

– Могу вас проводить, как я погляжу, вы не местная...

В окошко просунулась рука в черном кожаном рукаве, выдернула у лейтенанта паспорт Киры, и знакомый голос за ее спиной равнодушно произнес:

– Болван ты, Школьников. Дальше уже вылетать некуда, в патрульные пойдешь.

Григорий Самбуров вернул Кире паспорт и развернул девушку к выходу.

– Уже думала, буду коротать ночь в подвалах уголовного розыска, – вместо благодарности хихикнула Кира.

– Здесь нет подвала, – отозвался Григорий. – Гараж там.

Его автотранспорт стоял почти на крыльце управления. Всем входящим и выходящим приходилось его огибать, чтобы не задеть. По всей видимости, доставляемые транспортом Самбурова неудобства самого подполковника в байкерской косухе не беспокоили. Кира сложила губы трубочкой и вскинула брови. Не то удивленно, не то восхищенно. «Харлей-Дэвидсон Род Кинг». Она ничего не понимала в мотоциклах, но по внешнему виду аппарата сразу поняла – круто и очень дорого.

На крыльце и с обеих сторон перил стояли люди в форме. Разговаривали, кого-то встречали, звонили. Никто не возбудился по поводу перегородившего проход мотозверя. Значит, обыденное явление.

– Поехали, – Григорий протянул Кире шлем.

– Куда? – оторопела она.

– Посмотрим тело Марины Филимоновой. Ее привезли к судмедэкспертам. Улики заберем. Поговорим. – Григорий Самбуров самозабвенно изображал заинтересованность делом, и Кира почти ему поверила, если бы не заметила пристальный взгляд, направленный куда-то в область ее груди.

Девушка прикусила губу. С одной стороны, она еще не дала согласия на предложение Вольцева. С другой – уже решила, что согласится. Ну и «Харлей»! Ну как упустить такую

возможность, чтобы не прокатиться с ветерком? Самбуров сверлил ее наглым взглядом своих синих глаз, не прочитав в котором вызов мог бы разве что слепой.

– Я на машине, – неуверенно сопротивлялась она.

– По пробкам будешь тащиться до вечера, – хмыкнул он.

Кира взяла шлем, дернув уголкем губ.

Габариты «Харлея» не позволяли настолько проворно пролезать между рядами машин, насколько это могли делать мопеды и прочая мелочь, во всяком случае Кира так думала, до того как села в седло за Григорием. Самбуров вел нагло, вальяжно, уверенно. Казалось, не он протискивался между рядов автомобилей, а машины перед ним расступались.

Девушка села максимально далеко от мужчины, буквально впечатавшись в спинку, но все равно близость его тела, запах и некое странное положение, в каком она оказалась, несколько лишили ее ощущения реальности.

Не такого ли рыцаря на белом, в данном случае сине-металлическом, коне ждут все романтические особы современности? Приедет. Увезет. О том, что везут ее в морг, она старалась не думать.

Там ощущение реальности быстро вернулось. Гнетущая атмосфера – какая-то разнузданность людей, которые, по сути, служители медицины, но уже никуда не спешат, никого не спасают, работают с теми, кому торопиться некуда, – и убойный запах хлорки с формалином тяжким грузом придавили к земле. Девушка ощутила, как голова сама втянулась в плечи, а двигаться она стала медленнее и осторожнее.

Она подавила желание достать бумажный платок, чтобы уткнуться в него носом, и уверенно пошла за Самбуровым, стараясь особенно не пялиться по сторонам.

– Надеюсь, от вида трупов ты в обморок не упадешь? – обеспокоился он перед высокими металлическими дверями.

– До этого не случилось, – спокойно отозвалась Кира.

То, что до этого она их видела не так уж и много, тем более изуродованных, она уточнить забыла.

Кира готовилась к тому, что зрелище окажется тяжелым, отвратительным и невыносимым. Молилась про себя, чтобы ее не вырвало. Вообще, не понимала, зачем поперлась смотреть на трупы. Она не эксперт, не полицейский, трупы не ее специальность. Запала на мужика? Желает выпендриться? Просто суперромантическая обстановка для флирта. Вот как она в это вляпалась?

Самбуров придержал для нее металлическую дверь, распахивающуюся в обе стороны. Она старалась не цокать каблуками, хотя пациентов этих безликих покоев уже нельзя побеспокоить. Царство нержавеющей стали, зеленой клеенки и плитки непонятного оттенка. Кира прошла мимо каталки, к счастью, пустой. Холодно. По коже бегали мурашки, того гляди ее пробьет крупная дрожь. Она дышала медленно, чуть ли не через раз, лишь бы не ощущать стоявший в морге запах. Еще изо всех сил старалась, чтобы в поле ее зрения не попали склянки, шланги, инструменты. Они остановились возле стола из нержавеющей стали. Санитар с маской под подбородком, с безразличным видом жующий зубочистку, снял синтетическую простыню с тела. Кира медленно перевела взгляд на труп, краем глаза уловив, что Григорий смотрит на нее.

– Я не упаду в обморок, не переживай, – сообщила она не поворачиваясь. Хотелось надеяться, что голос ее прозвучал спокойно и уверенно.

– Хорошо, – отозвался мужчина.

– Ну чего... вот привезли. Пока оформляют. Вскрытия еще не было. Будет отчет, пришлем, – бормотал санитар.

Кира не отрываясь смотрела на тело. Ее не мутило и не тошнило, не накрывало жалостью или печалью. Она ничего не ощущала.

В том, что она перед собой видела, и человека-то опознать сразу не получилось. Непонятная биомасса, похожая на гору мусора, закатанного в воск. Но чем дольше Кира смотрела на труп, тем четче проступали детали. Порезы вывернулись и напоминали ствол большого дерева с грубой корой, дырки на лице и теле с темными ободками, распухшее лицо. Волосы, выдранные с корнем и обрезанные клочками. Кира вдруг поняла, что злится. Что за чудовище могло сотворить такое? То есть живое существо сидело и ковыряло себе подобного. Резало бритвой и наблюдало, что от его деяний происходит с человеческим телом. Изучающе разглядывало кровь, сочившуюся из ран, наслаждалось муками, которые причиняет. Что за извращенная психика желала подобного удовольствия?

Кира специализировалась на расстройствах личности, на жестокости, на склонности к садизму и прочих прелестях психопатов, но вот так, живьем, она никогда не видела результатов действий человека с искаженной психикой. Она наблюдала, беседовала, диагностировала. Теория. Фотографии. Видео.

Кира осознала, что все методы работы, исследования, анализ, тесты, они абстрактны. Пока не увидишь воочию, сложно представить, на что способно человеческое существо. Психологию тяжело оценить как точную науку. Что-то там изучают по схемам, ощущениям и предположениям. Не конкретно, не понятно, не доказательно и не определено. Глядя на истерзанное человеческое тело, чувство реальности давило, как асфальтный каток.

Кира как-то отстраненно подумала, что чудовище не только то существо, что сотворило это, но и все общество, что растит подобных уродов. Изначально ребенок рождается нормальным, без психических отклонений, без садистских наклонностей, без жажды убивать. И уже после родители, братья и сестры, сверстники, детский сад, школа, социум влияют на него таким образом, что он становится больным извергом. Садистом, убийцей, насильником, маньяком. Даже звери, которых люди очень любят приводить как пример жестокости, кровожадности и свирепости, не ведут себя так. Да, животные охотятся друг за другом, поедают, утоляя голод. Но животные не дырявят зубами себе подобного из желания доказать что-то другим животным, не «зацарапывают» до смерти из больного любопытства, как поведет себя жертва, не тыкают клыками, изучая болевой порог. А было бы понятно, если убийца убил свою жертву из-за того, что был голодным и съел ее?

Кира хихикнула. На нее тут же удивленно и ошарашенно уставились Самбуров и санитар.

Девушка умолкла и опустила взор в пол. Господи, куда она катится? Каннибализм – тоже психическое отклонение и преступление в их обществе.

– Она была голой? – поинтересовалась Кира, чтобы сгладить неловкость.

– В майке, порезанной и разодранной, – безучастно ответил санитар. – И там, в коробке с уликами, кофта какая-то есть.

Григорий направился к выходу, пропустил Киру вперед. Металлическая дверь чавкнула вслед резинкой ограничителя. У Киры вдруг появилось отчетливое желание уйти. Не ввязываться в это дело. Она никому ничего не должна. Как специалиста по убийцам и маньякам ее выкинули из системы. Она не обязана этим заниматься. Дома ее ждали недописанная статья и интервью с американским светилом психологии. Вот зачем ей все это?

– Ну, что скажешь? – По интонациям Григорий явно ожидал, что она сразу же начнет вещать об отличительных чертах характера убийцы.

– А что сказать? – удивилась Кира. – Убийца с психическими отклонениями. Проколы сделаны специфическим орудием, скорее всего самодельным.

Кира в очередной раз тоскливо подумала, что взгляд у Григория умопомрачительный. Теперь подобное с ней случалось при каждом его взгляде – ум помрачался. А в морг она поехала зря. Чувствовала себя отвратительно.

– Ну, это понятно, нормальный человек просто прирежет или задушит, стричь волосы и тыкать ничем не будет.

– Угу, – кивнула Кира, поглядывая на коридор, ведущий к выходу.

Они опять зашли в какую-то комнату. Обычное офисное помещение, заставленное столами, шкафами и тумбочками. Григорий продемонстрировал удостоверение. Девица с зализанным хвостом из черных волос и в широких черных брюках подхватила, радостно и пылко воззрилась на подполковника и облизнула губы.

– Привет, Вера, – небрежно буркнул Самбуров.

– Вас жду, на экспертизу еще не унесла, – томно сообщила девушка, будто вещала об их совместной ночи любви.

Кира не сомневалась, Верочка готова выскочить за подполковника замуж, рожать ему детей, стирать, убирать, каждый вечер ставить перед ним тарелку с едой и преданно смотреть в глаза. Именно так она понимала женский подвиг ради мужчины. Ну или хотя бы отдаться. Можно прямо здесь. Девушка вдруг заметила спутницу с мужчиной своей мечты и часто заморгала.

– Давайте, Верочка, показывайте, что там, – расплылся в лучистой, снисходительной улыбке Самбуров, и Кире захотелось его пнуть.

И даже не за то, что он, по всей видимости, привык, что все женщины в возрасте от семнадцати до девяноста смотрели на него влюбленными глазами и готовы были отдаться при первом намеке на интимную близость. И даже не за то, что и она попала в их число. А за то, что он абсолютно спокойно, как должным этим пользовался.

Впрочем, бесцеремонно, свободно и раскованно, будто и не в полиции работал, Григорий себя вел не потому, что пользовался успехом у женщин. Здесь еще что-то. Байк, длинные волосы, отсутствие формы. Что в нем такого особенного? Почему у него столько предпочтений? Кто-то из родственников в высших чинах служит в полиции? Отец, души не чаящий в ненаглядном чаде и возлагающий на него большие надежды? Тетка, поместившая его на психологическое место своего мужчины?

Улик по убийству оказалось не так уж и много. Три палочки, вывалившиеся из дырок на теле жертвы при перевозке, майка, которую уже упоминал санитар, и кофта.

Надев одноразовые перчатки, Григорий вытащил светло-голубой кардиган необычного кроя, с длинным широким поясом, повертел, не сразу сообразив, где верх.

– Это нашли рядом с телом. Есть, конечно, вероятность, что к телу, и вообще к убийству, кофта не имеет отношения. Кто-то посторонний потерял или ветром сдуло и водой вынесло, как и тело. А возможно, и наш предмет. – Подполковник объяснял это Кире, но как любая женщина, претендующая на полное внимание интересующего ее объекта, Верочка все воспринимала исключительно на свой счет.

– Она мокрая была, подсохла, – уточнила она, глядя на предмет обожания все тем же влюбленным взглядом преданной хозяйину собаки.

Самбуров на мгновение взглянул на Верочку, будто удивился ее присутствию.

– Если эта кофта относится к трупу, то, можно сказать, повезло. – Кира старалась не смотреть в чарующие глаза подполковника. Вот с этого взгляда все и началось. Она осторожно дотронулась до ярлычка на кофте. – «Тахири». Японский бренд, очень стильной и особенной одежды. Практически эксклюзив. В России нет ни представительства, ни бутика, даже заказать доставкой нельзя, только через Штаты или Европу. Ну или купить там.

– Ничего особенного на вид, – поджала губы Верочка. – Ну, кофта и кофта.

– Материал особенный, натуральный полностью, при этом изготовлен по особенной технологии, не мнется, не вытягивается, шелковистый и мягкий, подстраивается под температуру тела и погоды. Ну и крой. Асимметрия. Прямая демонстрация своей неправильности, особенности. Не каждая женщина осмелится подобное надеть.

Верочка хмыкнула.

– Круто! – Григорий искренне восхищался Кирой. – Это очень ценное наблюдение. Никто бы из наших спецов внимания не обратил. А подделки быть не может?

– Нет, это настолько эксклюзивный бренд, что его нет смысла подделывать, он не так уж и известен, – отозвалась Кира. – Учительнице из Воронежа он точно не по карману, так что кофта вряд ли самой Марии Филимоновой.

Она никак не могла отогнать от себя угнетающего наваждения морга, и это раздражало ее. В конце концов, она очень долго боролась за право делать только то, что хочет, в мелочах и по-крупному. Сбрасывать звонок, когда не хочет разговаривать или звонят маркетологи, у которых не должно быть ее телефона. Не общаться с тем, кто для нее токсичен. Закрывать книгу, которая не зашла. Уходить оттуда, где ей некомфортно.

Кира кивнула и пошла к выходу.

– На экспертизу отправляй все... – услышала она распоряжение Самбурова и неразборчивое мяуканье Верочки в ответ.

Он догнал ее уже на ступенях морга. Кира глубоко, полной грудью вдыхала теплый нагретый солнцем воздух, надеясь выгнать из легких запах смерти и хлорки. Конец сентября. Осень совсем не чувствовалась, утренний ветер и влажность после дождя уже сменялись жарой. Яркий свет пробивался сквозь решетку ветвей.

– А по личности убийцы что-то скажешь? – Самбуров смотрел на нее на полном серьезе, ожидая от Киры ответа. Казалось, он не заметил ее побега.

– А вы думаете, я взгляну на труп и назову имя убийцы? – Девушка дернула уголком губ, зная, что выражение лица стало насмешливым и циничным.

– Судя по рассказам полковника Вольцева о вас, еще адрес и группу крови, – улыбнулся Григорий.

Кира закатила глаза и засмеялась.

Они спустились по ступеням.

– Маньяк, убивший эту девушку, в детстве страдал энурезом, любил поджигать предметы и мучил животных, сворачивал голову птичкам, отрывал крылья бабочкам, – проговорила Кира деловым тоном и прищурилась, косясь на спутника.

Григорий замер с мотоциклетным шлемом в руках:

– Можно поискать в базе. Психологический портрет собирают на всех преступников. Хотя вряд ли там есть сведения об энурезе. Это же недержание мочи?

– Ага, это писался в постель. – Кира смотрела в упор. – Уверена, подобных сведений ни в одной базе не найти. И ни в одном допросе. Кто ж вам признается, что он дул под себя. Он же крутой убийца, маньяк! Гроза округи! И такое...

Григорий заржал, наконец разглядев, что Кира еле сдерживает улыбку.

– Я ведь на полном серьезе...

– Так и я на полном серьезе, – снисходительно улыбнулась Кира. – Есть такая теория, статистика по серийным, жестоким убийцам. Практически все из них в детстве имели эти особенности – пиромания, живодерство, энурез.

– Да ладно! Значит, по этим признакам еще в детстве можно маньяков отлавливать? – Григория очень веселил разговор.

– Законодательно эта тема не прошла.

– Зря я потащил тебя в морг, – нахмурился Григорий. – Сглупил. Хотел повлиять на твое решение и сразу вовлечь в дело, чтобы согласилась, а получилось только испортить настроение и огорчить.

– Нет, дело не в этом, – вяло отнекивалась Кира. – А в дело вовлекли. Я позвоню Дмитрию Юрьевичу, скажу, что согласна.

– Я очень рад, – действительно обрадовался Григорий. – И он обрадуется.

– Херм? Херм! – Двор морга огласил громогласный возглас. Здоровенный парень с бородой и в кожанке махал Самбурову рукой.

– Херм? Хермонд? Храбрый? – прищурилась Кира. – Бог скандинавской мифологии. Сын Одина. В бою испытывал восторг. Прошел дорогой мертвых.

Григорию стоило немалых усилий, чтобы удержать на месте глаза, ползущие от удивления на лоб.

– И опять же полковник Вольцев оказался прав. Кругозор и знания у тебя энциклопедические.

Парень подошел, они стукнулись кулаками.

– Давно не кажешь носу. Мы в заезд намылились. Будешь?

– Нет. Занят. Не в этот раз.

– Прикольное место для встречи, – хохотнул парень. – Я за свидетельством заезжал. Теща покинула этот мир. – Он уставился на Киру.

– Сочувствую. Кира Вергасова, специалист по психопатологии, – представилась девушка.

Байкер разулыбался, вопреки ожиданиям Киры, по-свойски ткнул Херма локтем в бок, а ей подмигнул:

– Ему точно не помешает специалист. А то в его черепушке такие черти водятся. Там надо порядок навести. – Он толкнул подполковника плечом и снова обратился к Кире: – Если вдруг чего испугаетесь в его голове или совсем запутаетесь в мотодвижках, глушаках и карбюраторах, там у него подобного полно, я готов проконсультировать.

– Благодарю, но я как-то больше по четырем колесам, – улыбнулась Кира, сделав вид, что не поняла намека. – Вот как раз за мной.

Такси, которое она вызвала, еще когда бежала по коридору, наконец подъехало.

– Я же обещал вернуть тебя обратно. К машине... – Григорий схватил ее за руку.

– А я – пригласить куда-нибудь на ужин, – снова влез в разговор байкер.

– А у меня изменились планы. До свидания, Григорий. – Девушка строго посмотрела на его руку, которой он ее удерживал. Подполковник смутился и отпустил.

Оказавшись в замкнутом пространстве чужой машины и наконец избавившись от угнетающих ощущений и запахов морга, она выдохнула.

Ее подташнивало. Кира поняла, что сейчас упадет в голодный обморок, если срочно что-нибудь не съест. Утром она лишила себя завтрака, потому что не хотела на полный желудок боксировать, потом спешила, не успела поесть, сейчас уже время обеда миновало, организм бунтовал и требовал белков, жиров и даже углеводов.

Первым порывом стало попросить остановить где-то здесь. Уж кафе можно найти везде. Но еще одну поездку в такси она не выдержит. Услугами этого вида транспорта Кира пользовалась крайне редко. Когда совсем не оставалось другого выхода. Более худшим вариантом считала только общественный транспорт. От него она еще и в депрессию впадала.

Пересев в свой «миник», Кира наконец-то ощутила себя в безопасности, свободной, счастливой. Комфорт и спокойствие, обретаемые в личном пространстве, она ощущала в машине, не в квартире. Даже не потому, что машина принадлежала ей, а квартиру она снимала. А, скорее всего, потому что машина давала то самое чувство свободы, без которого она чувствовала себя загнанным зверьком. Села в машину и уехала куда хочешь. Покидала необходимые вещи в багажник – и уехала. Без регистрации, без билетов, без проверки документов, без границ. Кстати, даже границы государств легко преодолевались на авто. Именно на машине она бежала из Москвы. На машине загнанный зверек уходил из окружения флажками. Тогда она впервые приобрела это чувство свободы, с которым больше не желала расставаться.

А вот квартира оказалась для нее не столь значимой. Хотя растили ее две женщины с советским воспитанием, для которых свое жилье, было чем-то сакральным, показателем успешности жизни, надежности и спокойствия. Ей внушали, что собственная квартира явля-

ется обязательным атрибутом для достижения человеком счастья. Но Кира не переняла основополагающие принципы жизненной позиции родственников. Опять же отработавший себя триггер. Съёмную квартиру можно покинуть в любой момент, так из Москвы она уехала в один день. Со своей сложнее. До сих пор девушка не решилась на поездку в столицу, решающую вопрос с продажей.

Сидя в кафе «Бранч», просматривая меню по второму разу и не делая заказа, она поняла, что волнуется. Нервничает. Сообщение полковнику она отправила и даже завтра с утра собиралась явиться за материалами дел. Но еще не определилась, не понимала, в чем будет заключаться ее работа консультанта. Она никак не могла собраться с мыслями.

– Неужели я купилась на мужика? – издевалась Кира над собой, поймав себя на ощущении, что улыбнулась, учуяв запах мужского парфюма на своей одежде.

– Может быть, вам порекомендовать что-то? – корректно вмешалась официантка в размышления Киры, заметив ее рассеянность.

– Да, какую-нибудь мясоптицу.

– Отлично. Цыпленок на гриле?

– Хорошо.

Кира оглядела зал. Время обеда давно миновало – и гостей в заведении оказалось не много. Ее потерянный взор блуждал по светильникам на стенах, скучающему бармену за стойкой, отметил пестрый коктейль, который принесли девушке за соседним столиком. Мысли метались, перескакивая с одного на другое.

Плотно поев, она отправилась в свое любимое кафе «Диалог», там ей комфортно работало даже несколько часов кряду. Европейцы пунктуальны, и, однажды опоздав с дедлайном², с работой на иностранную компанию можно распрощаться навсегда. Невзирая на внезапно нарисовавшуюся странную должность с соцпакетом, терять заказы из журналов она не собиралась.

---

² Дедлайн (от англ. *deadline* – «мертвая линия») – крайний срок выполнения задачи или работы, определенный момент времени, к которому должна быть достигнута цель или задача.

Глава 5

– Сергей Николаевич, мы начинаем через четыре минуты. – Девушка-администратор, с яркой бижутерией и на тонюсеньких каблучках, прикрепила к рубашке мужчины микрофон. – Вы не беспокойтесь, двигайтесь как вам удобно, микрофон хорошо закреплен и фильтрует помехи, а основной звук идет не отсюда.

– Хорошо, – рассеянно кивнул мужчина.

Небольшая современная студия местного телеканала. Это только начало. Еще интервью для газеты и двух каких-то московских журналов. Расспросов он не боялся. Его вообще не смущали каверзные вопросы, уличения, разоблачения. У него все кристально чисто, по-честному. Он переходил в политику. Сергей Николаевич Коламут, депутат Думы Краснодара. Давно к этому шел. Готовился.

В его жизни все прозрачно. Он по-честному делал бизнес, все деньги заработал сам. Начинать еще в девяностые. Тогда вообще все было смутно, опасно и непонятно. Кто как пробивался в жизни, сейчас лучше не вникать. Но и тогда у него все было нормально. Самостоятельно он набивал шишки, наступал на грабли, учился на собственных ошибках. Денег он уже заработал столько, что за всю жизнь потратить не успеет, теперь хотелось совершить что-то значимое для других людей, масштабное и полезное для своего родного Краснодарского края. Сделать то, что запомнят. У него обширная программа. Реальная. Достижимая. Коламут готов отвечать за каждое свое слово.

Но что-то его беспокоило. Неясное, непонятное, не облекаемое в слова и даже в мысли. Сверлило, как острое маленькое сверло. Вроде не особо болит, но мешает, постоянно напоминает о себе. Взгляд мужчины уткнулся в плакат с собственным изображением. Удачная фотография, на ней он выглядел серьезным, надежным, деловым и ответственным. Таким, каким хотел представляться своим избирателям. Представляться не в значении «казаться», а в значении «быть». Предприимчивый бизнесмен. Честный депутат. Хороший отец, вырастивший достойную дочь. Особенную дочь.

Екатерина Сергеевна Коламут, всего тридцати двух лет от роду, а уже заместитель Международного фонда по защите прав человека со штаб-квартирами в Кёльне и Лондоне. Дочь, которой можно гордиться. Он и гордился. Сейчас. А когда родилась... Какая разница, что он чувствовал тогда. Тогда он потерял жену. Любимую женщину. И остался один с ребенком на руках.

– У вашей девочки гипофизарный нанизм, – объявила ему врач – уставшая женщина в белом халате и в очках. – Учитывая вашу ситуацию... утрату и положение, можем вызвать службу опеки сюда.

Она говорила тихим, спокойным и сухим тоном. Он сразу не понял, о чем речь.

– Зачем службу опеки? – спросил он, не узнавая своего голоса.

– Такого ребенка тяжело растить в обычных условиях. Почти всегда таких детей сдают... э-э передают на воспитание в детский дом. А здесь еще без матери. – Она видела, Сергей Николаевич ее не понимает. Не слышит.

Он вообще ничего не понимал, после того как ему сообщили о смерти любимой Лидочки. Он не осознавал, как такое могло произойти. Не принимал. Казалось, вообще не ожидал, что у него теперь есть ребенок. Какой ребенок? Лиды нет. А ребенок есть?

– Она даун? Девочка? – наконец уточнил он. Взгляд был мутным и пустым. Полное безразличие к тому, что ему ответят.

– Нет, девочка карлик, – уточнила врач. – Все показатели в норме, здорова, дееспособна, мозг в порядке. Карлик.

– Она будет маленького роста? С короткими ножками и ручками?

– Да, – кивнула врач. Она очень ему сочувствовала, он видел это. И безумно жалела, что не смогли спасти Лиду. Она уже ничего не могла сделать. Слишком поздно привезли.

Глупая поездка. На седьмом месяце беременности им приспичило поехать к морю. Лидочке захотелось окунуться в море. Он не умел отказывать жене. Боль, кровь, она не сразу его разбудила. Пока вез по серпантину, пока искали больницу в незнакомом городе. Он уже не чаял получить ребенка.

– К черту ребенка, спасите жену. – Он внес невесомую Лиду на руках в приемный покой.

– Мы всегда спасаем мать, – просто ответила врач.

– Ваша жена скончалась. – Это было следующее, что он услышал от нее же.

Она ему сочувствовала. Наверное, поэтому не сказала, что именно особенности ребенка, непропорционально большая голова и непомерная сила, стали причиной смерти роженицы.

– Из больницы сейчас определить девочку в дом малютки будет проще. Потом сложнее, – только и сказала она. – Если передумаете растить сами. Пожалеете, что забрали. Потом будет тяжелее.

– Я заберу ее.

Врач оказалась права. Он пожалел, что не сдал ее сразу. А когда узнал о причине смерти Лиды, просто не мог видеть младенца. Красного, вечно орущего, беспокойного. Не хотел находиться с ребенком в одном доме. Не желал знать, что девочка жива. Она не имела права на жизнь.

И он сдал девочку в детский дом. Только называлось это красиво, «Интернат по воспитанию детей с особенностями», в Великобритании. И выглядело крайне достойно. Он дает дочери лучшее воспитание и образование. Не каждому карлику так везет.

Каждый месяц с его счета списывалась внушительная сумма денег, обеспечивающая ему спокойствие, сохранение достоинства и уважение тех, кто знал о его ситуации. Иногда ему присылали фото, на которых маленькая уродливая девочка играла в мячик, гуляла с собачкой, танцевала, смеялась. Он не воспринимал ее как свою дочь. Как их с Лидой плод любви. Ну разве у них мог быть такой плод любви?

Девочка росла, училась, даже приезжала на каникулы домой в Россию. Домой к нему. Он принимал ее как гостью. Важную гостью, которой уделяют много внимания, чьего общества не могут избежать. С удивлением он обнаружил, что она умная, образованная, начитанная. Екатерина Сергеевна Коламут в Британии, где она в основном жила, а потом работала в Международном фонде по защите прав человека, звалась Кэти Кол, ее ценили и уважали коллеги, у нее были поклонники ее силы воли и жизненных ценностей, ее любили друзья, даже молодой человек имелся. Она обещала их познакомить. Сергей Николаевич отмечал, что ему все интереснее проводить с ней время. Возможно, горе потери утихло. Возможно, Сергей Николаевич смирился с тем, что дочь стала виновником смерти его жены. Он признал дочь такой, как есть. Нет, не смог признать сердцем, не принимал душой, но принял разумом. Он ценил ее. Достойная выросла девочка. Умная, способная и успешная. Он хороший отец. Он все правильно сделал.

Сергей Николаевич повозился в кресле, устраиваясь поудобнее. На экране перед ним шел обратный отсчет последней минуты. Ведущая нацепила дежурную улыбку.

Но та, другая, оказалась не очень. Особенно с точки зрения общественности. Да, буквально полгода назад у него появилась вторая дочь. Вот так вот.

Когда он собрался в Думу, его жизнь стала более открытой. Из нее стали вытаскивать на свет доселе никому не известные обстоятельства. Люди не стали дожидаться феерических подробностей и скандала. Любую, самую невинную и благополучную деталь журналисты и блогеры могли вывернуть как угодно. Сергей Николаевич и целая команда специалистов вытряхивали все сами. В том свете, в котором нужно. Демонстрацию его отцовского долга в том числе.

Кэти по-европейски широко и открыто улыбалась, позировала фотографам, грамотно отвечала на вопросы. Их совместное фото не разместил только ленивый. А потом, на ступеньках офиса, он встретил другую. Довольно неприятную на вид девушку, с плохо покрашенными волосами, в дешевых джинсах не по фигуре, в футболке с чужого плеча. Кэти ухоженная, изысканная, в идеально подобранной для нее одежде, с модной асимметричной стрижкой. Молодая, стильная, интеллигентная женщина. Даже ее особенности не сразу бросаются в глаза. А эта... На него смотрел уродец.

История казалась по сериальному примитивна. Его вторая дочь выросла в чужой семье. Его служба безопасности и нанятый сторонний детектив, которому заплатили тройной гонорар, подтвердили – дочь его. Никаких сомнений. Вот так получилось.

«Все хотели как лучше», – размышлял Сергей Николаевич. Девочка выросла в семье. Ее окружали любовью и заботой. А он не окружал. Он и к женщине, вырастившей его ребенка, не поехал. Не захотел. Просто надо было подтвердить историю, рассказанную дочерью. Что там подтверждать? Одно лицо.

Может быть, та женщина и права была в том, что девочка выросла в семье, имела настоящее детство, с мамой, папой, собакой и двором, в котором она играла.

Он такого дать не мог. А сейчас его вдруг понесло. Он кинулся компенсировать дочери то, что не состоялся для нее как отец. Для Екатерины он так не делал. Для нее уже поздно. Да ей и не нужно. А вот той, другой, нужно.

Вот здесь Коламута одолевало беспокойство. Что еще той, другой, нужно? Что от нее ожидать? Надо взглянуть правде в лицо.

– Сергей Николаевич, – начала улыбающаяся ведущая, – мы очень рады, что наша встреча состоялась...

Коламут улыбался в ответ.

Что ж. На него работает целая орава маркетологов, социологов, советчиков. Придумают, что сказать, как удачнее представить. В конце концов, теперь он дважды отец. Дважды хороший отец.

Глава 6

Когда-нибудь она обязательно будет спать по восемь часов в день. Начнет радоваться солнечному свету, станет легкой, воздушной, к поцелуям зовущей. Хороший сон и отсутствие стресса даже важнее, чем питание и физическая нагрузка. Но это то, чего у нее не было. И ниоткуда взять она не могла. О сне Кира могла только мечтать.

Не потому, что засиживалась за ноутбуком, строчила статьи, редактировала публикации, бесконечно много работала. Работа скорее спасение от ночного отупения, от тяжелого взгляда, уставившегося в темный потолок, который давил на нее каждую ночь. От ужаса темноты. Едва закрыв глаза, Кира оказывалась в той могиле. Во мраке страха и паники. Чувствовала на лице влажные комья, запах сырой земли и приближение смерти. Она задыхалась, дрожала и просыпалась. Часами пялилась в темноту. Иногда, закутавшись в одеяло, сидела в кресле. Наконец организм изматывался от бессонницы настолько, что реальность плыла, перед глазами расплывались цветные круги – и Кира вырубалась. Иногда выпивала тройную дозу снотворного и тоже отключалась ненадолго. Если девушке удавалось поспать часа три-четыре, она считала это большой удачей. Такое случалось не каждую ночь. Вчера она работала до четырех ночи, потом разглядывала ночной потолок.

«Утра. Четырех – это утра», – поправила Кира себя.

Сегодня ее ждали в Управлении МВД. Точно, она же взялась консультировать.

Кира открыла холодильник и с минуту любовалась его пустотой. Сегодня она точно зайдет в магазин и на рынок за мясом и яйцами. Вот еще один плюс Краснодара, который девушка оценила и к которому нежно привязалась. Это необыкновенно вкусная, свежая и местная, а не привезенная из-за тридевять земель еда. Молочко и сыр от коровки, которая паслась на лугу и кушала травку. Яйца от свобододлюбивых кур. Парное мясо свободно гуляющих барашков. Москвичам, да и всей остальной стране, и не снятся огурцы, пахнущие огурцами, а помидоры, по вкусу напоминающие помидоры. Даже тем, кто растит свое, ибо в химическом облаке, которым накрыты города, и в земле, которая отмерзает лишь на три месяца, вкус у выращенного сформироваться не успевают, только увеличивается размер и появляется тот или иной цвет.

Помечтав о жирном сочном мясе и малине, она пошла в ванную. Сегодня завтракать придется в кафе.

Через два часа она сидела в кабинете подполковника и листала дела трех убитых женщин. Страницу за страницей, от начала до конца. Потом сначала.

Первая, в хронологическом порядке, – Наталья Андреевна Веденева, тридцать пять лет. Проживала и работала в городе Краснодаре. Работала психологом, стало быть, коллега. Трудилась в частной конторе, но имела и социальную практику. Общественная нагрузка за символическую оплату. Погибла семь месяцев назад, в феврале. Не замужем. Есть мать. В крови немного успокоительных и антидепрессантов. Незадолго до смерти рассталась с молодым человеком. Несчастливая любовь. Это и послужило причиной самоубийства. Молодой человек возможность самоубийства подтверждает. «Могла. Способна. Грозилась». Почему не предотвратил? Никому не позвонил? Не рассказал? «Не отнесся всерьез. Думал, только испугать хочет». Так могла или все-таки пугала? И почему не отнесся всерьез? Замкнутый круг.

– И правильно, что не отнесся, – проговорила Кира. – Потому что это никакое не самоубийство.

Она положила перед собой две фотографии. На одной девушка была живой. Серьезной, сосредоточенной, неброско накрашенной, тщательно и строго причесанной. На второй фотографии – сильно пострадавший от воды труп. Неестественная, будто поломанная кукла. Множество травм. Но и в таком виде явно просматривалось наличие макияжа, волосы тщательно покрашенные, недавно из парикмахерской, маникюр, тоже свежий. В отчете не было, а вот на

теле наверняка в определенных местах волосы удалены с помощью эпиляции, сделанной накануне. На женщине облегающее платье, туфли на высоком каблуке, кружевное нижнее белье. Комплект. Самоубийцы так не выглядят. Женщины, готовые на самоубийство, способные на него, которые неоднократно крутят эту возможность в голове, это женщины безразличные ко всему. К своей внешности в первую очередь. Только в кино и в клипах женщина красится, надевает вечернее платье и сексуальное нижнее белье, чтобы сигануть с моста в грязную вонючую речку.

Нет, Наталья не самоубийца. Скорее уж она шла на свидание.

Жертва работала с женщинами в трудных ситуациях, направленных из кризисных центров, после попыток суицида или нервных срывов. Что еще?

Вторая была убита три месяца назад. Агафонова Ольга Сергеевна. 1984 года рождения. Проживала в Адыгее. Супруг, двое детей. Ехала к подруге, собиралась остаться с ночевкой. Не доехала. Нашли через три дня мертвую, растерзанную и почти в двухстах километрах от дома подруги. Причем почти никаких следов молодой женщины обнаружить не удалось. Никто ее не видел в автобусе, на котором она должна была следовать. Не помнят таксисты. Найдена в нижнем белье. Кира снова отметила красивое кружевное белье. Она бы предположила, что маньяк покушается на красавиц, или ухоженных, или по какому-то еще отличительному признаку внешности, но третья жертва выбивалась из этого ряда.

Марина Алексеевна Филимонова, сорок лет. Учительница биологии, проживающая в городе Воронеже. Находилась на отдыхе в Лазаревском. Обычная женщина. Как показали попутчики по экскурсии, одета была в джинсовые шорты, майку и кофту. Ехали в горы, там прохладно. Подробностей о кофте нет. Каштановые волосы, собранные в хвост. Из интересов – цветоводство. Кира нашла аккаунт жертвы в соцсети. Цветы всех сортов и видов, преобладают орхидеи. Жутко замороченное занятие растить эти цветочки. А еще Марина Алексеевна вязала крючком. Пледы, накидки на диван, кружевные занавески, ажурные салфетки. Такая не полезет к черту на рога, чтобы красивую фоточку сделать. И уж точно не станет присаживаться на шаткие камни, вылезать за ограждения.

– Ай, какие в Абхазии ограждения, – вслух прошептала Кира. Она подняла взгляд и обнаружила перед собой заинтересованное лицо подполковника Самбурова. Вздрыгнула от неожиданности.

– Прости, не хотел пугать. И отвлекать не хотел. У тебя на лице отражается мыслительный процесс... Залюбовался, – преданно глядя на нее, кивал он.

Кира подозрительно на него покосилась.

– Готов испугать. – Подполковник выставил на стол подставку с двумя стаканчиками кофе.

Кира благожелательно кивнула и улыбнулась, отметив, что кофе из хорошей кофейни, а не из попутного киоска.

– Тоже хочу проявить профессиональные навыки и угадать, – не унимался Григорий. – Флэт уайт или капучино среднего объема?

– Угадал, – легко согласилась Кира, тоже называя подполковника на «ты». – И там, и там меньше молока и два шота кофе. Что специалисты из Абхазии вещают? Никого не видели, никого не слышали?

– Практически, – хмыкнул Григорий. – Они настаивают, что она полезла фотографироваться, упала в ущелье, там внутренние потоки, тело носило по камням почти три дня, поэтому, пока труп сам не выплыл, найти его было невозможно.

– Ага, – согласилась Кира. – И, пока плавала в бурных потоках ущелья, Марина Алексеевна разделась, истыкала себя острым предметом и остригла себе волосы, клочками. Потому что зеркала при ней не было. Какая деятельная покойница попалась.

– Во всяком случае, в отчете они так и написали.

Кира засмеялась:

– Свидетелей нет. Из тех, кто был с ней в автобусе, никто толком даже сказать не может, когда она пропала. Аксакал какой-то видел ребенка наверху примерно в это время. Заорал на него и прогнал. Говорит, люди совсем с ума посходили, со своими фотографиями. И взрослые, и дети. Там вид красивый, туда регулярно для фотографий залезают.

– А вот наши судмедэксперты обнаружили, что жертва попала в воду уже мертвой, в легких воды не обнаружено и... – подполковник Самбуров взял оставшийся стакан и, сняв крышку, отправил ее в мусорное ведро, – и жертва подверглась насилию неким деревянным предметом, крупной веткой или чем-то таким.

– Ух ты! В... э? – Кира подбирала научные слова, которые сразу в голову не пришли.

– Да, в анальное и вагинальное отверстия, – кивнул Самбуров.

– Наш маньяк входит в раж. – Кира шумно вздохнула и отпила кофе. Помолчала немного и пояснила: – Он развивается, если так можно сказать. Его психоз усложняется, обрастает деталями. Первое убийство он совершать не собирался. Убил, скорее всего, случайно. Злость, ярость, перемкнуло, какой-то триггер сработал. Удар ножом это порыв. Резко, неожиданно, внезапно. Такое не планируют. Он сам от себя не ожидал подобного. Исступленно колот. Колотых ран много. Порезов еще нет. Очнулся от охватившего его безумия, а жертва мертва. Испугался того, что натворил. Желая скрыть преступление, спихнул труп в воду. Боялся, что его найдут, а потому прятался и выжидал. Но его не поймали. Более того, не искали вообще, сочтя смерть суицидом. Преступник успокоился, осознал, какие эмоции испытал в процессе убийства и после. Понравилось или принесло облегчение. К тому же остался безнаказанным. И он испытал некую вседозволенность. Жизни лишил, не пирожок спер...

Глаза Киры сияли. Самбуров глядел на нее как замороженный.

– От второго преступления убийца уже старался получить кайфа больше. Уже представлял, какие действия принесут облегчение, доставят удовольствие. Планировал, как захватит, куда потащит, где будет совершать злодеяние. Жертву раздел, тыкал, чем он там тыкал? Заточкой. Обрезал волосы. Изучал.

Кира уставилась в окно, прищурилась, будто представляла, как проходило преступление. Потом продолжила:

– Любопытный у нас убийца. Почти с научным подходом. Он ковыряется в теле, наблюдает за процессами. Там в деле отмечено, что раны нанесены в разное время. То есть потыкает, порежет, потом ждет, наблюдает. Затем принимается снова.

Григорий не сводил с девушки глаз.

– Ну и к третьему убийству вошел во вкус, уже есть сексуальная подоплека, палки в раны вставляет. И то, что это убийства, а не самоубийства, становится все явственнее. Жертв ищут. Но преступник по-прежнему безнаказан.

– Может быть, он хочет, чтобы его поймали?

– Нет, не хочет. Он наслаждается властью. Он вытворяет что хочет, совершает убийства, издевается над жертвами – и ему за это ничего не бывает. Я хочу поговорить с бывшим женихом Натальи.

Кира принялась звонить по телефону, номер молодого человека в деле был.

– Тебе снять ксерокопию? – Самбуров выкинул стакан из-под кофе в ведро и сложил папки в стопку.

Кира отрицательно покачала головой.

Глава 7

Времени и сил в свою внешность молодой Альгиз Зараев вложил существенно больше, чем Кира. Она остановилась на пороге и немного понаблюдала за ним. В полумраке кафе его одежда сияла белизной. Белая футболка и джинсы, белые кроссовки. Испачкаться он не боялся, и одежду испортить тоже. С утра моросил дождь. Солнце еще не высушило город. Ливневки, забитые опавшими листьями, с потоками воды не справлялись. Пробежаться по лужам и не забрызгаться крайне сложно. На столике лежали ключи со значком «Мерседеса» и айфон последней модели. Тщательно уложенная борода и прическа – волосок к волоску. Он старался уловить свое отражение во всем: в стеклах панорамных окон, в бокале, в панно на стене. Если он полюбуется собой, глядя в вилку, она вряд ли сдержит смех. Кира улыбнулась одним уголком губ и прошла внутрь.

При знакомстве с девушкой Альгиз не смог скрыть удивления. Кира не производила впечатления служительницы закона, она ею и не была. Это он еще Григория не видел в полном байкерском облачении.

– Сколько вы встречались с Натальей? – Кира для начала включила деловой тон.

– Полгода прям встречались. А знакомы больше, ну так, болтали иногда... – Альгиз ничего не скрывал и не боялся, рассказывал спокойно. Никаких переживаний и сожалений по поводу смерти Натальи он не испытывал. Скорее наслаждался вниманием и своей значимостью в связи с возобновившимся к его персоне интересом полиции.

– Занимались сексом? – уточнила Кира.

– Ну да. Я, вообще-то, не планировал никаких серьезных отношений. Она и старше меня, и не... не подходит мне совсем. Но как-то завязалось...

Кира кивнула и терпеливо улыбнулась, давая понять, что ждет продолжения.

– Она очень сговорчивая была, понимаете. Я приеду, она радуется, улыбается, будто у нас незнамо какая любовь. И отдавалась так самозабвенно, на любые эксперименты была готова. А потом я не появляюсь, и она не жалуется, не ноет, не ревнует, ничего не требует. Я ей ни цветов не покупал, ни подарков. Не потому что жадничал, а просто в голову не приходило. Она всегда довольная и так была. Ну, так тянулось, тянулось, и я подумал, она удобная, а что бы не попробовать. Ну и мы как бы стали встречаться «по-настоящему».

– Понятно. Это «по-настоящему» длилось полгода. И совсем не нравилось вашей маме? – Кира не выказывала никаких эмоций. Высказанное ею предположение было очевидно. Перед ней сидел маменькин сынок. Точнее, мамин кобелек.

Подобная сцепка мама – сын не новость. С тех пор как женщины оказались способными самостоятельно зарабатывать деньги, много денег, они возжелали занимать главенствующую позицию в отношениях с мужчинами, в том числе и с сыновьями. Конечно же, маме не выдержат конкуренции с девочкой в короткой юбке и с синими восторженными глазами и не быть у сына на первом месте. А вот с помощью денег, источник которых – мама, айфона, тачки, шмоток-тапок она может прекрасно держать его за одно место. И никуда избалованное достатком и ленью дитяtko не денется. А если женщина может принимать на себя мужские функции – работать, добывать, решать, распоряжаться, отдавать приказы, то отчего бы и мужчине не соглашаться, не повиноваться, не подчиняться и не покоряться.

Молодой мужчина с хмурым видом покачал головой. Настроение у Альгиза испортилось.

– Ну да. Ей Ната сразу не понравилась. Вообще, если честно, ей никто не нравится. Она всегда говорит, что серьезные отношения надо ближе к сорока выстраивать, а пока лучше как следует нагуляться. И, типа, девушки сейчас не шибко строгих нравов, так что любую выбирай, не стесняйся. А жену надо совсем по-другому принципу выбирать. И она, конечно, поможет. Ее надо обязательно послушать, потому что у нее есть опыт и жизненная мудрость.

Кира мило улыбалась. Устами мальчика за тридцать говорила взрослая женщина, обо-
зленная на молодых красоток и защищающая свое капиталовложение.

– Мама говорила, у Натки и семья неблагополучная, никакой поддержки не окажет. При-
дется мне самому содержать семью. Так-то она права, конечно. Мать у Натки пенсионерка, а
отец – алкаш. Натка отца вообще не помнила, мать его выгнала, когда той три года было. А
Натка самостоятельная и спокойная. Я ни разу не слышал, чтобы она голос повысила. Мама
говорит, что как раз такие тихони всегда все по-своему выворачивают. Залетит – и придется
жениться. Будешь всю жизнь мучиться. Семья – это очень сложно и дорого. На работу при-
дется устраиваться, и не погуляешь уже, потому что с семьей надо много времени проводить.

Кира кивала.

– Ну, я подумал... Мама права. Натка действительно прям невозмутимая какая-то. Всем
довольная и спокойная. Будто у нее четкий план есть и она уже все решила. Все девки понятно,
чего хотят, – замуж. За такого, как я, вообще все замуж хотят.

Кира едва сдержала смехок. Она прищурилась, глядя с иронией, но поглощенный своей
персоной Альгиз не обратил на это внимания.

– А Натка единственная из всех, которая ни разу не намекнула даже, что замуж хочет.
А она же ведь уже... ну, не молодая была, за тридцать ей. Небось в уме уже все придумала
и подробности свадьбы расписала. Скрытная, в общем, непонятная. Короче, решил я маму
послушать. – Молодой мужчина запнулся. Фраза прозвучала звонко, будто стишок на утрен-
нике.

Альгиз громко втянул воздух ноздрями. От вальяжного, уверенного в себе мужчины
ничего не осталось, кроме дорогих белых шмоток. Перед Кирой сидел кобелек на поводке и
в периметре, определенном мамой.

– Женщин может быть много, а мама у меня одна и другой не будет, – продолжил парень,
но звучало это все более и более фальшиво. – Больше, чем мать для сына, ни одна женщина не
сделает. И она всегда на моей стороне. Кто кроме нее поможет отбиться от алчных женщин,
которым только и нужно мужика, то есть меня, себе под каблук засунуть. Манипулировать
мною, заставляя работать. Я против мамы не пойду никогда. Мама – это самое главное в жизни.

– И денег дает, – кивнула Кира.

– Ну да, – кивнул Альгиз и вздрогнул. – Ну и что? Да. Денег дает! А без денег никуда.
А ты либо их зарабатываешь и тратишь на это все свое время, всю свою жизнь. Тогда больше
ничего не успеваешь. Некогда жить. Некогда гулять и удовольствия получать. Либо ты жизнь
живешь и все такое, а кто-то должен тебе на это денег дать. Мне мама дает. А жена, она же
наоборот захочет. Я работать, что ли, буду, а она тратить?

Кира снова кивнула и с заинтересованным видом улыбнулась, ни жестом, ни взглядом
не выказывая осуждения.

– И вы расстались? Наталья огорчилась? Плакала?

– Вообще нет. Я удивился, даже расстроился. Я огорчился! Вроде как показалось, что
ей пофиг до наших отношений было. Что я есть, что нет. Спасибо, что сказал, и все. А потом
вдруг вот так... С моста...

– А почему вы решили, что это суицид?

– Ну, я же говорю, странная она была очень и спокойная, будто ей эмоции ампутиро-
вали... Совсем без чувств. В тихом омуте черти водятся... Когда мне фотки показали, как ее из
реки вытащили, я сразу подумал, что она туда сама сиганула. И там раны были на теле, ножом.

– Колющим предметом, – уточнила Кира. – Следы на теле, скорее всего, были оставлены
зачткой или гвоздем, не ножом.

– Ну, острым. Я сразу про нож подумал. Ната ножиком так играла... Ну вот ладонь кла-
дут на стол и тыкают между пальцев. – Он продемонстрировал, положив холеную руку на
стол между чашек, растопырил пальцы и принялся указательным пальцем другой руки тыкать

между пальцами. Кира отметила необыкновенно ровные и ухоженные ногти, мужчина явно пользовался услугами маникюрши. – И вот так ножом, все быстрее и быстрее, и не смотрит на руку и улыбается, а потом закрывала глаза. – Альгиз округлил и вытаращил на Киру глаза. Ну, понятно, он и представить не мог, что можно играть с чем-то, рискуя причинить себе вред. – Сначала прикольно было. Удивительно. А потом вообще страшно смотреть стало. Она говорила, что просто натренировалась. Но ведь странно как-то. Нормальные люди так себя не ведут.

– Хорошо. – Кира умильно смотрела на Альгиза, как на карикатуру мужчины. – Почему вы решили, что она из-за вас-то прыгнула?

– Ну а из-за кого же еще? – Он мялся.

Кира вскинула бровь, внимательнее всматриваясь в его лицо. Альгиз решал, рассказывать или нет. Опасения буквально были написаны у него на лбу. Поднял взор вверх вправо, значит, визуал по восприятию и что-то вспоминает.

– Альгиз, ваша мама не права, – вмешалась собеседница в его мыслительный процесс. – Если вы не совершали в отношении Натальи конкретных действий, не унижали, не били, не издевались, не заставляли ее делать что-то против воли, вас никто не будет обвинять в «доведении до самоубийства». Это вообще очень непростое обвинение и сложно доказуемое. Даже если подобное действительно имело место и совершалось со злым умыслом, доказать все равно очень трудно. Люди ежеминутно делают массу гадостей друг другу.

Она попала в точку. Молодой мужчина вспыхнул, опустил глаза.

– Конечно, у меня не было никакого злого умысла. – Потом он осекся и уточнил: – А вы же вообще не полицейский? Не следователь?

– Нет, – заверила Кира. – Я психолог. Консультант.

Он еще раз тяжело вздохнул и поведал:

– В общем, когда я Нате сказал, что мы расстанемся, а она никак не отреагировала, вроде как ей все равно, я обиделся. Тоже мне фифа нашлась, ко мне очередь из девок выстраивается, а ей пофиг. Вроде как она за меня и не держится. Что-то меня это так задело. Мама всегда говорит, что я такой парень, о котором любая девушка только мечтать может. Так все и было. А эта, типа, особенная, что ли? Вроде как она мне продемонстрировала, что она лучше, чем я.

Кира ясно прочитала на лице молодого мужчины недоумение, обиду, даже злость. Да уж, с безразличием Альгиз сталкивался нечасто. Не с безразличием, скорее со сосредоточенностью на себе, свойственной умным, образованным, занятым интересным делом женщинам.

Мужчина вздыхал, суетливо поглядывал по сторонам.

– В общем, мне захотелось ей гадость сделать. Чтобы много о себе не мнила. И я сказал, что расстаемся мы, потому что она невзрачная, серенькая и не яркая. Ну, мне не пара. Слишком простенькая и старая для меня. А она не обиделась и даже засмеялась. Сказала, что накрасить морду несложно, а вот чтобы оценить сложность умственного развития, интеллекта и образования, надо тоже умным быть. А чтобы от этого удовольствие получать – быть равным. Я, если честно, не очень понял, что она сказала. Понял только, что она не обиделась и все мои высказывания про ее внешность мимо. Токсичный человек, – напыщенно сказал Альгиз и поджал губы. – С такими не нужно общаться.

– И вы об этих оскорблениях маме рассказали? – уточнила Кира.

– Да, я ей все рассказываю. Ну почти, – гордо заявил Альгиз. – Мама тогда сразу просекла, что меня могут обвинить в доведении до самоубийства. И письмо забрала.

– Письмо? – Кира одобряюще улыбалась, стараясь не спугнуть разговорившегося хвастуна. – Наталья вам письмо написала?

– Да. – Альгиз явно не собирался говорить об этом, но, раз уж проболтался, продолжил, предварительно еще раз уточнив: – Вы же не следователь? И наш разговор не записываете?

– Нет, не следователь. Ничего не записываю. – Сквозь панорамные окна кафе Кира заметила «Харлей» и Самбунова. Не найдя парковки, он припарковал мотоцикл прямо перед окнами на тротуаре. Вид у него явно не отличался благодушным. Кира заспешила: – Что в письме было?

– Ната за все благодарил, хвалила меня за всякую ерунду, типа наши отношения – это хороший опыт, и она как бы прощалась со мной. Только я тогда думал она уезжает куда-то. Не понял, что умирать собралась.

Кира улыбнулась:

– Вы сохранили письмо?

– Нет, маме отдал.

– В полиции о нем не рассказали? Ваша мама присутствовала, когда вас расспрашивали полицейские? – уточнила Кира. В ответе она не сомневалась.

– Конечно. – Альгиз вытаращил на девушку глаза, будто она ему предложила без страховки с крыши многоэтажки сигануть. – Мама бы и сейчас пришла, только у нее встреча какая-то и отменить нельзя. У нас с мамой полное доверие.

Кира едва сдержалась от ругательства. В кафе как раз вошла мать Альгиза, столкнувшись на входе с Самбуновым. Серьезная, стильная женщина, смахивающая на Миранду Пристли из «Дьявол носит Prada» или на Мэй Маск³, стилю которой многие возрастные женщины сейчас подражали. Взгляду мамы Альгиза позавидует любой следователь. Жесткий, пронизательный, мгновенно ставящий в положение должника и виноватого. Сынуля маму еще не заметил.

– У меня есть фото того письма. В телефоне сохранил, – признался он. – Я вам скину, только не говорите маме...

– Что не говорить маме? – Стол овеяло селективным парфюмом. Резким, удушающим.

Через мгновение рядом возник подполковник.

– Собрались, – прошептала Кира одними губами.

Кира дружелюбно и понимающе улыбнулась молодому мужчине и проговорила:

– Знаете, Альгиз, вам не обязательно слушаться маму во всем. Как вы наверняка уже почувствовали, она так же, как и все остальные женщины, преследует только свои интересы. И они в основном смысле совпадают с интересами тех самых женщин, о которых вы говорите, – держать вас на привязи, манипулировать, заставлять делать то, что нужно ей, а не то, что хотите вы. Признайтесь, иногда же просто выворачивает от того, что вас заставляет делать мама. А еще вы давно поняли, что она так же боится потерять вас, как вы опасаетесь остаться без ее денег.

Мать Альгиза буквально захлебнулась от возмущения, переводя взгляд то на сына, то на наглую девицу, внушающую ему крамольные мысли. Кира резко выставила вбок ладонь, словно таким образом блокируя ее возмущение, и продолжила, понимая, что каждое ее слово попадает в точку:

– Ты уже несколько раз подумывал, что можно выторговать больше свободы. – Кира ткнула пальцем в Альгиза, лицо которого пылало, на лбу выступил пот, а глаза смотрели в упор на тарелку с надкушенным тостом. Девушка хитро прищурилась и радостно завопила: – Ух ты! Не подумывал! Ты уже пробовал. У тебя есть конкретные требования! Ты жаждешь самостоятельности!

– Что вы такое несете? – наконец очухалась маман. – Чему вы учите моего ребенка? Непослушанию?

– Какому непослушанию, мама? Я что, песик, нагавивший на паркет? Меня надо наказать и посадить в клетку, как Бублика? Какого ребенка? Я взрослый мужик! Я в состоянии сам

---

³ Мэй Маск – канадско-южноафриканская модель. Родилась 19 апреля 1948 года. Мать троих детей: сыновей Илона Маска, Кимбала Маска и дочери Тоски Маск. На протяжении 50 лет работала в качестве модели, появлялась на обложках известных журналов, включая Time.

решить, что мне говорить и что делать. Ты думаешь, что купила мою жизнь за деньги и теперь проживешь ее за меня?

– Нет, она думает, что она купила себе мужчину, который всегда будет рядом, послушно исполнять пожелания и никогда не взбунтуется, – подсказала Кира и уточнила: – Бублик – это ваша собака? Вы завели собаку без спроса, и она нагадила на мамин дизайнерский стерильный пол? Мама отдала вашу собаку?

По злобному взгляду Альгиза и возмущению мамы Кира поняла, что опять угадала.

Краем глаза она видела, как брови Самбунова ползут на лоб, рот открывается.

– Я всегда желала тебе только лучшего, – пролепетала женщина. – Я живу ради тебя. Я принесла тебе в жертву всю свою жизнь.

– А я просил? А мне нужна эта жертва? Нет! Я не хочу, чтобы ты жила ради меня. Это моей жизнью ты живешь ради меня? Дегенератку Соню ты привела ради меня? Ты хочешь, чтобы я женился на этой дохлой плоской доске с носом, как у Буратино?

– Она из очень хорошей семьи, – брыкалась мама. – Послушная, робкая...

– А может быть, она настолько бесхарактерная амеба, что просто заглядывает тебе в рот и беспрекословно подчиняется? И ты ждешь, что у нас будет идеальная семья послушных тебе песиков?

– Ваш лавандовый раф, – официантка поставила на стол бокал с красивой ручкой. Напиток, заказанный Альгизом.

– Вот сама и трахай эту выдру! – зашипел мужчина. – Пусть она станет твоей новой болонкой.

И прежде чем маман открыла рот, чтобы ответить, мужчина схватил стакан, выплеснул его ей в лицо и выскочил из кафе.

– Не забудь скинуть мне фото, – прокричала Кира ему вслед. Потом окинула женщину взглядом. Идеальная прическа, покрытая идеальной молочной пенкой, сползла на тщательно загримированное лицо. Ароматные струи текли на дорогой костюм.

– Хорошо, что это не американо, мог бы быть ожог, – хмыкнула Кира. – Американо гораздо горячее рафа.

– Я напишу на вас жалобу в ваше Управление МВД и прослежу, чтобы вас уволили. – Глаза женщины метали громы и молнии.

Если бы Кира обладала большей чувствительностью, она непременно бы вспыхнула. Вместо этого девушка отмахнулась:

– Не беспокойтесь, я там не работаю.

Возмущенная женщина покинула кафе.

Официантка спешно ликвидировала беспорядок и лужу на столе. Надо отдать должное невозмутимости девушки. Она одной рукой подняла всю грязную посуду, другой перестелила скатерть и улыбнулась Самбунову, тяжело плюхнувшись в кресло напротив Киры.

– Вергасова Кира Даниловна, ты бомба замедленного действия, на которую меня посадил полковник Вольцев, – устало произнес он.

– Меню? – смущенно улыбнулась Кира и деланно-наивно хлопнула глазами.

– Давай. – Он отнял у нее папку.

– И мне, пожалуйста. – Девушка позвала официантку. – Я что-нибудь съем.

– Ну и что ты получила от этого представления? – поинтересовался подполковник, когда они разобрались с нюансами заказа.

Он не накинулся сразу на Киру с вопросами. Девушка отметила его выдержку и терпение. Черт возьми! Он нравился ей все больше.

– Ну, во-первых, выяснила, что ни маман, ни сын не имеют никакого отношения к убийству Натальи Веденеевой, – улыбаясь, невозмутимо сказала Кира. – У нее нет никакой необ-

ходимости убивать Веденееву. Сын и так расстался с неудобной пассией, и она вычеркнула ее из списка соперниц, претендующих на первое место в сердце сына.

Самбуров кивнул и вздернул одну бровь, требуя продолжения рассказа.

– Во-вторых, я вскрыла их внутренние семейные проблемы. Когда эмоции поулягутся, они смогут выйти на диалог, наладить отношения и прийти к согласию, компромиссу и более гармоничной жизни в целом.

– Угу, – хмыкнул Самбуров.

– Ну и, возможно, я предотвратила появление нового преступника.

– А это как? – Самбуров буравил ее совершенно наглым взглядом. Кира чувствовала себя раздетой и смущенной.

– Мама внушала сыну, что они с ним выступают против всего остального мира женского пола. Что они защищаются от врагов. Вот это вот противопоставление и делает из людей преступников, – объяснила Кира. – Мы на одной стороне, враги – на другой. Для победы можно использовать любые методы. Как только человек начинает считать себя «право имеющим» или защищающим ценности, на которые покушается весь мир, так он сразу решает, что нужно воевать против этого мира, а соответственно, становится способным на преступление.

– Интересная теория. Я бы с удовольствием ее послушал поподробнее. – У Самбурова горел экран телефона. Кто-то настойчиво требовал его внимания.

– А я с удовольствием ее расскажу. Это моя любимая теория возникновения преступлений, – отозвалась Кира. – В конце концов, никто не пострадал, – философски пожалла плечами Кира. – Ни одного трупа.

Самбуров хохотнул:

– Чувствую, у меня все еще впереди. – Он поднес телефон к уху: – Да, Дмитрий Юрьевич, – ответил Самбуров на звонок, не сводя все того же нахального взгляда с Киры.

Девушка принялась за куриный кремковый суп, который ей принесли, отодвинув подальше мисочку с гренками.

В машине она активировала смартфон. Альгиз не забыл отправить картинку и даже деньги за два лавандовых рафа, один из которых он выпил, а второй опрокинул на мать.

Кира прочитала письмо Натальи своему бывшему возлюбленному несколько раз. Это письмо открепления, прощания, прощения. Есть у нынешних психологов такой трюк. В интернете он часто муссируется. Вы садитесь и пишете письмо своему бывшему, отношения с которым считаете плохо законченными, или своему обидчику, ну или тому, кого никак не можете отпустить. Говорите, за что любили и почему было хорошо, а потом прощаете, отпускаете и желаете всего хорошего. Все. Свободны. Дальше вы успокоитесь, облегченно выдохнете и вообще наладите отношения с собой и со всем миром. У кого-то, наверное, подобное и работает. Плацебо всегда у кого-то работает. Это уж как поверить.

В их случае это письмо говорило только о том, что кончат жизнь самоубийством Наталья не собиралась. Наоборот, планировала жить дальше счастливо и свободно.

Кира взглянула на панель своего автомобиля, прикидывая, успеет ли перед тренировкой заехать еще и к матери Натальи. Самбуров, конечно, не оценил ее рвения проводить дознания самостоятельно и потребовал, чтобы она впредь предупреждала его, пусть устно, но конкретно, удостоверившись, что он ее услышал. А не вскользь упоминала о беседе в присутствии его сотрудников. Но, во-первых, Кира пока ничего не обещала, а во-вторых, Григорий уехал к Вольцеву. Ему сейчас не до нее.

Кира вбила в навигатор адрес женщины. Зиповская, семнадцать.

Глава 8

За дверью шаркали и шуршали. Кира ждала. Наконец дверь открыла маленькая сухонькая старушка, завернутая в шаль. Она пустыми глазами уставилась на Киру, молча дожидаясь, что та поведает.

– Я Кира, подруга вашей дочери, – сообщила гостя. – Живу за границей, в США, поэтому не смогла приехать на похороны. Можно я зайду?

Старушка кивнула и пошла в глубь темной квартиры. Кира переступила порог. В помещении было темно и царила прохлада, что казалось невыносимым в Краснодарском пекле. За лето стены всех домов прогрелись настолько, что без кондиционера охладить квартиру просто невозможно. Но хозяйка этой квартиры, видимо, знала какой-то секрет. Кира заметила отсутствие кондиционеров, а окна были наглухо занавешены шторами. Сначала зажглась лампочка в коридоре, осветив идеально прибранное жилище со старым интерьером. Потом вспыхнул свет на кухне. Казалось, в этой квартире никто не обитал. Чисто, пусто, холодно. Женщина присела на краешек диванчика, будто это она тут гостя.

Кира осмотрелась и принялась хозяйничать. Налила воды в чайник, зажгла под ним огонь. Открыла подряд несколько ящиков, нашла упаковку печенья, пряники и заварочный чайник.

– Тетя Зина, почему Наташка так сделала? Я каждый раз думаю и не понимаю. – Кира выбрала простой, почти родственный тон и не ошиблась. Женщина встрепенулась, придвинула поближе к себе пустую вазочку и пересыпала туда пряники из пакета.

– Я каждый день задаю себе этот вопрос. К экстрасенсу ходила. Ко всем, которых нашла, и даже через интернет интересовалась, – сказала Зинаида Ивановна.

– Онлайн? – спросила Кира.

Женщина кивнула.

– И что говорят?

– Говорят, ее убила маленькая девочка. Три гадалки примерно одно и то же сказали. Тень ребенка на нее падает, и душит, и терзает, и убивает...

– Маленькая девочка убила? – Кира мешала ложечкой пустой чай. – Разве маленькая девочка может убить взрослую женщину? То есть вы не верите, что Наташа покончила с собой?

– Ну, покончила с собой, и что? Да, в реку прыгнула она сама. Тогда и смерть наступила. А умерла она до этого. Смерть, это последний миг, а причина прорезалась и возникла до этого. Болезнь, старость, авария, прыжок в реку. Это результат. Исход. А что привело Наталью к смерти? Не в один же день она пришла к мысли о самоубийстве? Она, наверное, думала об этом каждый день. Долго. Постоянно.

Кира понимала, что и сама Зинаида Ивановна думала над смертью дочери долго, постоянно.

– А причина-то в другом, – медленно проговорила мать. – У Натальи не могло быть детей. Что-то врожденное. Она мне не рассказывала толком. Не очень-то она мне доверялась. Однажды, еще лет пятнадцать назад, сухо объявила, что не будет матерью, не может. И замуж не пойдет. А когда маленькой была, она хотела девочку. Представляла, как будет ее нянчить, с куклами играла. Все куклы девочки были, ни одного пупса.

– Вы думаете, что она потеряла смысл жизни из-за того, что не станет матерью? – Кира смотрела внимательно, с сочувствием и сожалением.

Женщина кивнула в ответ.

Девушка продолжила:

– Наталья очень много работала. И даже бесплатно. Мне всегда казалось, что она слишком занята, чтобы думать о чем-то плохом, угнетающем. Наталья была счастлива, занимаясь

своей работой. Ей же нравилось помогать людям... женщинам. Она никогда не говорила... – Кира задумчиво покачала головой, демонстрируя разговоры по душам, которые ее связывали с совершенно незнакомой женщиной.

– А Наташка никогда ничего не говорила. Никогда никого не любила, никогда ни о ком не заботилась, да и не чувствовала ничего! – Слова прозвучали резко и даже зло.

Кира удивилась, что старушка, которая до этого в основном шептала, проговорила слова так, будто выплюнула их.

– Почему же не любила, не чувствовала?

– Потому что, если женщина не любит мать, она не умеет любить вообще. Значит, она не освоила первый, самый главный вид любви и дальше уже не сможет ни с кем нормально жить. Ни с мужчиной, ни с детьми. Это как пропись. Палочки да крючочки пишешь и пишешь – привыкаешь. Почерк вырабатываешь. А если в самом начале не научилась выписывать красивые закорючки в прописи, почерк навсегда останется корявым. – Женщина, завернутая в шаль, изменилась. Она уже не выглядела отсутствующей, апатичной и глубоко несчастной. Из нее фонтаном плескались претензии к неблагодарной дочери, неприязнь и обида на весь мир. – Наташка занималась только собой и плевать хотела на всех остальных. Поэтому ее Бог и наказал, тем, что она детей не могла иметь. Хахаль ее, наверное, бросил, узнав, что она родить не сможет, вот она и поняла, что в жизни у нее ничего хорошего не будет без детей, и с моста кинулась. Поэтому гадалки и видят, что девочка маленькая виновата в ее смерти. Дочка нерожденная, о которой она так мечтала.

– Мне думается, вы не совсем правы. Наташа нашла себя. Она очень заботилась о своих пациентках. Это же несчастные женщины. Кого-то бьют мужья, кто-то подвергся насилию, кто-то тащит на себе пьющего мужа и нескольких детей в одиночку. Наталья самозабвенно им помогала. Искренне желала изменить их жизни к лучшему. – Кира внимательно наблюдала за Зинаидой Ивановной.

– Тут никаких сомнений. Своих подопечных она и днем и ночью была готова спасать. А матери за лекарствами в аптеку сходить некогда. У посторонних людей доставку заказывала. Едва ее подопечные эсэмэску скинут или позвонят, она сразу на телефон садилась и бесконечно утешала, поддерживала, разговаривала. В любое время подрывалась, все дела бросала. Конечно, они несчастные, им забота нужна и понимание. А матери забота не нужна. Мать и одна проживет, без поддержки. – Зинаида Ивановна с шумом втянула носом воздух и прищурила глаза. – Только я вот что вам скажу. Не по-настоящему она все это делала, не от чистого сердца, не искренне. Грехи она отмаливала. Прощение хотела заслужить. Стараться-то старалась, но, видать, впрок не пошло. Не засчиталось лицемерие.

– Ваше прощение? Наталья хотела получить ваше прощение?

– Нет, я для нее мелочь. Ей от меня ничего не надо было. Да и нет у меня ничего. Прощение Господа Бога, – фыркнула Зинаида Ивановна. Шаль сползла с ее плеч. Она распалилась, активно жестикулировала, поедала пряник за пряником, не замечая этого и расплевывая крошки по сторонам. – А вы правы, надо было бы мое прощение заслуживать. Бог-то, может, есть, а может, его нет, а вот проклятия материнского стоило бы и побояться.

Кира кивнула:

– Я, пожалуй, пойду.

Зинаида Ивановна умолкла, поджав губы. Установилось молчание. Кира вымыла за собой чашку. Поставила ее в шкаф. У входа обернулась. Она снова видела глубоко несчастную, измученную и затравленную женщину. Изо дня в день сжигая себя обидами и претензиями к давно выросшей, взрослой женщине, она вдруг лишилась источника своего горя и мучений, но все еще не могла остановиться. Не умела жить и думать по-другому.

Скорее всего, Наталья уже пыталась помочь матери, применяла психотерапию. Но та либо блокировала все ее усилия, не веря в методы, либо обижалась еще больше, желая получить от дочери иное, пыталась заставить дать то, чего Наталья давать не хотела или не могла.

Кира Вергасова давно знала название своему неврозу: «комплекс Демиурга». Чертова уверенность, что умнее всех, что способна менять и управлять чужими жизнями, что, манипулируя людьми, может решить их проблемы и наладить их жизнь. Некорректно? Нечестно? Никто не звал? Ерунда! Она же во благо!

Сейчас ей следовало снять с себя корону и тихо уйти, как в свое время сделала Наталья. Нельзя спасти того, кто не желает спасаться. Нельзя вылечить того, кто упивается болезнью. Но Кира произнесла со всей душевностью, на какую только была способна:

– Наталья любила вас. Она говорила мне об этом. И она давно простила вас. Не таила обид, не думала, что вы хотели ее обидеть или причинить зло. Она вообще не думала больше о детстве. Она очень хотела помогать людям, тем, кто в ней нуждается. Поэтому и работала так много. Подолгу разговаривала со своими подопечными. А вам она просто не успела сказать, что любит. Не думала, что вы этого не понимаете. И прощения попросить хотела за все. Не успела только.

Зинаида Ивановна застыла в дверном проеме кухни. Кира увидела крошечную слезинку в уголке глаза пожилой женщины и быстро вышла.

Она долго сидела в машине, тупо уставившись перед собой. Сейчас у нее не получилось бы сосредоточиться на вождении. Поэтому предпочла посидеть, подумать и никому не мешать своей рассеянностью на дороге.

В Краснодаре ездили медленно. Очень медленно, по каким-то своим интуитивным правилам, отличавшимся от стандартного набора правил дорожного движения. Кира так и не смогла осилить этих правил своей логикой, развитой на дорогах Москвы, Сакраменто и Питера. Наверное, так ездят в деревнях, когда все всех знают и не стесняясь перегораживают дорогу, выходя из автомобиля поздороваться. Когда диким звуком мотора оповещают округу о своем проезде в три ночи, не подумав, что люди уже спят. В городах, более плотно населенных, люди вынуждены ограничивать свои желания, добровольно соблюдают правила, потому что иначе хаос, пробки и взаимная агрессия парализуют город. Краснодарцы еще не дошли до этого ментально. Паркуются третьим рядом, там, где парковаться нельзя вообще, включив поворотник, зависают на полосе, неторопливо поворачивая руль и задерживая весь ряд, проезжают на красный свет и на знак «уступить дорогу», считая, что у их машины есть преимущества, поскольку она дороже и больше, чем у других.

Кира не могла этого изменить, она могла заставить себя не раздражаться и не негодовать. Так она и делала.

Но ее собственные привычки, взращенные в начале приобретения водительского опыта, не изменились. Понимая, что зависла в собственных мыслях и не в состоянии адекватно влиться в поток машин, она сидела и думала в своем «Мини Купере», предпочтя никому не мешать.

Она давно уяснила – на «подумать» нужно много времени. Нужно заниматься этим процессом. И хорошо помнила, как ругался ее преподаватель высшей математики:

– Думай! Зачем тебе голова? Главное, это наше мышление. На кнопки кто угодно может нажать!

Вот сейчас у нее это самое мышление отказывалось работать.

– Не можешь головой, работай ногами, – решила она для себя и повернула в замке зажигания ключ. Этот совет тоже уходил корнями в детство. Мать ее одноклассника и первой любви, Марата, авторитарная женщина с хорошими доходами и некоторой властью, которую имели в советские времена заведующие складами, не обнаружив у сына талантов и рвения к учебе, с этими словами запихнула его в Институт культуры, обучаться на преподавателя хореографии.

Машину, квартиру она ему подарила, а на хлеб и ногами зарабатывает. В конечном итоге все сложилось не так, но суть оказалась верна. Не можешь думать головой, иди поработай ногами – полегчает.

До начала тренировки еще два с половиной часа, но панорамные окна студии танцев на пилоне «Вилисы» полыхали разноцветным светом. Даже когда залы пустовали, Татьяна, владелица студии, включала разноцветную иллюминацию, привлекая к студии внимание с улицы.

Кира взлетела по ступеням на третий этаж, прошла мимо раздевалки, прямо в малый пилонный зал. В раздевалке толпились и смеялись девчонки, пришедшие на степ. Кира пребывала не в том настроении, чтобы сплетничать и трещать ни о чем.

Она стащила с себя широкие брюки и осталась в одних трусах. По сути, можно было и так. Ее шорты не сильно отличались от трусов, но она все-таки покопалась в сумке и вытащила оттуда трикотажные мини-шорты, наколенники и ботинки на десятисантиметровой платформе. Кира решила остаться в своей широкой кофте, пока мышцы не разогрелись. Зазвучала музыка, иллюминация сразу подстроилась под мелодию и замигала в такт музыке.

Она обошла вокруг пилона, взмахнула волосами. Танцы ей точно помогут. Небольшая разминка. Шея, плечи, бедра, махи. Четыре или пять песен она танцевала, принаравливаясь то к одному темпу музыки, то к другому. Извивалась змеей, изгибалась кошкой. Ловила свое отражение в зеркалах. Мысли улетали, оставляя вместо себя восторг, эйфорию удовольствия, она испытывала кайф от того, что в голове пустота.

Кира подпрыгнула, зацепилась руками и подтянулась, она качнулась, обхватывая ногами пилон, отлетела назад и снова вперед, зацепилась ногами и опрокинулась в четверку. Спустилась на пол руками и спрыгнула из стойки на колени, перевернувшись через голову.

Кира улыбалась, почти смеялась, наслаждаясь своей гибкостью и грацией, балдея от самой себя.

Ее глаза встретились в зеркале с внимательным и настороженным взглядом Тани. В топе и шортах, она стояла в проеме двери. Наверное, давно наблюдала за Кирой, потому что вальяжно оперлась о косяк и опустила стрипы на пол.

– Хороший трюк, эффектный, – похвалила девушка. – Вставляй в программу.

– Не знаю, не успеваю подготовиться. За такую работу взялась, что не знаю, под какую лавку теперь залезть.

– Да уж смотри, что ты что-то оттанцовываешь, – усмехнулась Таня.

Оттанцевать. Это был их студийный термин. Кира придумала его, когда еще только пришла танцевать.

Переехав в Краснодар, она в нем не задержалась, а принялась гулять по всему побережью. И безостановочно колесила полгода. Остановившись то на неделю в Адлере, то в Джубге, на три ночи в Геленджике, затем переезжала в Анапу. Отправлялась в Крым, отрывалась на дискотеке в Коктебеле, как не в себя ела в Алуште. В баре «Барабуля» заказывала ведра бычков, ставрид и барабуль, миску за миской мидии и рапаны. Обьевшись в одном заведении, словно колобок перекатывалась в соседнее. Потом отправлялась в Адлер и начинала все сначала. Даже пару курортных романов завела с кем-то, чьих лиц уже не помнила. В конце концов Кира вернулась в Краснодар и принялась налаживать свою жизнь. Нашла работу, проекты. Привыкла к новым дорогам, изучила меню местных кофеен и ресторанов. Все сложилось. Но душа не могла найти покоя. Обида, стыд, ощущение, что она неудачница, грызли день и ночь, словно злобный голодный хомячок, страдающий бессонницей. А еще страх, пережитый, прошлый, но жестко врезавшийся в сознание, сросшийся с нервными окончаниями. Паника, испытанная в могиле. Она не могла спать. Провалившись в беспамятство на пару часов, вскакивала в поту с безумно бьющимся сердцем. В голове безостановочно мелькали одни и те же события и картинки, возвращая и возвращая ее к мыслям о том, как ее подставили, как выставили за дверь, как от нее отворачивались казавшиеся близкими люди. Жених! С ума сойти! У нее был жених.

Андрей Прокопов, завидный московский холостяк. Удачливый бизнесмен, сын главы Комитета лесопромышленности. Или чего-то другого? Как это было давно! Она с трудом вспоминала его лицо, а ведь «какая любовь», «какая пара». Как в тумане видела яхту с четырехметровой мачтой, которую, не складывая, можно загнать в ангар на Конаковских островах, в Подмоскowie. Они целовались на палубе, плавали в теплом бассейне, а вокруг кружились светлые снежинки.

«Твои неприятности плохо отразятся на моей карьере. И на папиных делах».

Она дважды переспросила Андрея, не могла расслышать, что он сказал. Мозг не принимал предательства.

Ее неприятности – это то, что три мужика избили ее до полусмерти и закопали в землю?

«Ты не звони мне, Кира, пока все не утрясется», – так сказала подруга, с которой они дружили с садика.

«Нам лучше пока не общаться. Сама же понимаешь, я сейчас на взлете», – писали в эсэм-эсках почти все знакомые, даже те, к кому она не обращалась. На всякий случай, ее предупреждали сообщением, чтобы она вдруг не запачкала их, позвонив.

Кира никак не могла успокоиться, отвлечься, забыть, простить, послать. Однажды, бесцельно катаясь по еще толком незнакомому городу, она очутилась перед сияющими всеми цветами радуги окнами. Доносилась музыка. Как бабочка летит на свет, зачарованная, околдованная, Кира поднялась на третий этаж и такими невообразимыми глазами уставилась на танцующих девчонок, что шокировала Татьяну. Та несколько минут пялилась на подсматривающую девушку в дверях, потом кинулась в раздевалку, вытащила из своего рюкзака топ и шорты, дала их госте:

– Переодевайся и залезай.

Так Кира стала танцевать на пилоне, два раза в неделю, потом четыре, потом шесть, и вообще, когда выдавалось время, она летела в студию. А через пару месяцев поймала себя на мысли, что тех мыслей больше нет. Она писала статьи, стараясь успеть к дедлайну, читала гору иностранной литературы, обучаясь европейскому и американскому восприятию психологии. Она танцевала, она придумывала новые связки, она прокачивала мышцы, чтобы легче танцевать, она растягивалась, чтобы добиться легкой и яркой амплитуды, она штудировала видео звезд пол дэнса, обрабатывая новый трюк. Она оттанцевала обиды, неудачи, назойливую память.

Девочки приходили в студию, жалуясь на вредную свекровь, невнимательного мужа, придурка начальника. Кира первой вставала к пилону.

– Не ноем, девочки. Сейчас оттанцуем!

Они танцевали. И все проблемы, казалось, исчезали под каблуком в двадцать сантиметров.

– Оттанцевала, – улыбнулась Кира тренеру.

– А бокс не расслабляет? Отбоксовать нельзя? – к этому новому увлечению Киры Таня ревновала, считая, что подруга расплывется.

– Там не терапия и не кайф, там я учусь бить, – в который раз объясняла Кира. – Должна научиться не бояться бить. Как смогу, так стану свободнее.

– И как успехи?

– Никак, – смеялась Кира. – Танцую, я даже думаю лучше, а там вообще пусто. Комок нервов. Сгусток напряжения.

Таня покачала головой, улыбаясь, говорить, что бокс не ее и надо бросить, не стала.

– Ты думаешь, танцую? – хихикнула владельца студии. – Говорят, что спортсмены и танцовщики очень глупые. Работают телом, мозги не прокачаны.

– Ерунда, – отмахнулась Кира. – Чтобы танцевать, нужен очень развитый и деятельный мозг. Сейчас объясню, – пообещала она Тане. – Давай надевай, что стоишь в уголке, как не хозяйка.

Таня прошла в зал и принялась надевать стрипы.

– Искусственный интеллект давно не новость. Процессор, думающий, как человек, создали. Компьютеры обыгрывают чемпионов в шахматы, рисуют картины, сочиняют музыку, худо-бедно пишут романы. Математика, вычисления, гигантские массивы данных, безумные объемы информации, это все пожалуйста. Искусственный интеллект способен учиться и даже проявлять некий характер. Та же Алиса или Сири. Интеллект, память человека, ту часть, которую мы отождествляем с «думаньем», создали.

– Даже пользуемся. – Таня покрутила мобильником, к которому подключала музыкальную колонку.

– Угу, – кивнула Кира, посмотрев лукаво. – А много ты знаешь ходячих роботов? Сама лично видела?

Таня замерла, размышляя, а Кира продолжила:

– Люди постоянно пытаются создать робота, подобного человеку. Наверняка сто раз слышала – то японцы смастерили нечто подобное, которое двигается, машет руками, почти как человек. То у американцев получился «как бы» человек. Почти ходит и даже кружится вокруг себя.

– Слышала, – Таня закатила глаза. Обняв пилон, она внимательно слушала подругу.

– Только, как ни стараются, а создать робота, который может ходить по бревну, бегать, перепрыгивать через барьер или хотя бы более-менее сносно вставать и садиться на стул, пока не получилось. О танцах речь вообще не идет. Робот-балерина или робот, танцующий брейк, – это мечты писателей-фантастов. А почему? – Кира отбросила полотенце, которым вытерла мокрые лицо и спину. – Нужны слишком большие объемы памяти, безумно мощные процессоры. Неподъемно это пока человечеству. Потому что наше движение в пространстве – это самое тяжелое, большое и сложное, что делает мозг. Только за наше прямохождение отвечает вчетверо больше нейронов, чем участвуют в мыслительном процессе, а та часть мозга, которая движет организмом, в разы больше неокортекса...⁴

– Проще, проще, – засмеялась Таня. – Не переходи к научным терминам.

– Нашим мыслительным процессом, памятью, эмоциями руководит только около десяти процентов нашего мозга, а все остальное уходит на наши движения. Поэтому думать искусственный интеллект может, а танцевать – нет. Объема памяти и мощности процессора не хватает.

Таня на мгновение замерла и засмеялась.

– Так что только представь, какой большой, мощный и прокачанный мозг у тех, кто виртуозно владеет своим телом. Совершает им сложные движения. У балерины или ведьмы на пилоне, например.

– Ты, наверное, шутишь?

– Ничуть. – Кира зацепилась ногой за пилон, облетела его по кругу.

– Профессор Черниговская, гениальный ученый, великая женщина, у нее есть очень много исследований на эту тему, все доказано.

– Танцуем! – скомандовала Таня.

Кира взмахнула волосами. Ей вдруг показалось, что музыка стала распоряжаться ее телом и сознанием на свое усмотрение. Кира улыбалась, порхала, движимая удовольствием и счастьем. Весь мир померк, остались музыка, ее тело и металлический шест.

Потом, уставшая и мокрая, она сидела на полу, опершись спиной на пилон.

– Ну как? Мысли появились? – поинтересовалась Таня.

Кира пожала плечами.

---

⁴ Неокортекс – области коры головного мозга, отвечающие за высшую нервную деятельность: мышление, сенсорное восприятие, моторные команды, у человека – речь.

– Пошли, наедемся на ночь. Мы потратили столько калорий, что можем съесть хоть мамонта, – предложила Таня. – Я только завтракала. А дома... ну, может, консервы кошачьи есть. – Таня тяжело вздохнула и скривила губы. – Тоська сожрет меня, если я попробую отнять у нее хоть кусочек. Ей самой мало. С ума сойти! Я держу кошку на диете. Торчу в студии день и ночь.

Кира засмеялась:

– Вот поэтому у меня нет кошки! Я просто забуду о ее существовании и однажды, вернувшись домой, обнаружу засохший трупик.

– Вот уж вряд ли! – Татьяна натянула джинсы и футболку. – Скорее она тебя растерзает и съест, ну или соседей. Кошки всегда находят выход. Моя, например, открывает пакетики с едой сама. Раздирает фольгу когтями. Один раз жестяную банку со сгущенкой вскрыла. Я бы не поверила, что это сделала кошка, но тогда надо верить или в привидение, или в домового.

– Домовой бы покормил твою кошку, – на полном серьезе сказала Кира, обтираясь влажными салфетками. Она влезла в хлопковый пуловер и широкие брюки. – У меня даже домового не заведется. А однажды засох даже кактус. Так что никаких кошек. Моя карма не вынесет издевательства над животным.

Они вышли на улицу. Теплый ветерок нежно ласкал их еще не остывшие тела. Кира глубоко вдохнула. Совсем по-летнему теплый вечер в конце сентября, как же это приятно. А по всей остальной России дожди, слякоть и тучи. Кира в очередной раз подумала, что очень верно выбрала город для жизни.

Кира не любила футбол, хоккей и все остальные командные игры. Бары, в которых собираются оравы пузатых мужиков, чтобы, притупив свое сознание пивом, отождествить себя со спортивной картинкой на экране и почувствовать свою приобщенность к великому, вообще на дух не переносила. Но с выбором подруги спорить не стала. Они заняли деревянный столик в специфическом интерьере. Модная нынче помесь средневековой таверны, комнаты подростка и немецкой пивной.

Им повезло, сегодня бар «Лопасты» пустовал. Никаких трансляций. Никаких горланящих мужиков. Только огромные экраны телевизоров, которые при всем желании невозможно обойти взглядом, приглушенно шипели и на них мельтешили не спортивные картинки. Вроде новости. Местный канал. Кира уже года три жила без телевизора. Оказалось, восхитительно. Никто не лезет в голову против твоей воли, не заливает сознание информационными помоями, не насилует пустыми сведениями. Ничего интересующего ее он все равно не показывал, а для фона она всегда включала аудиокнигу.

Они с Таней сосредоточились на меню, которое скромно расположилось на одном листке. Кира выбрала сковородку бараньих сосисок и зеленый чай. Подруга – огромный бургер. Девчонки болтали о программе соревнований, о костюмах для танцев, о всякой всячине.

Кира уже открыла рот, чтобы задать какой-то вопрос, но его смысл мгновенно вылетел из головы, она застыла с открытым ртом. Со всех экранов, больших и маленьких, на нее смотрели три знакомых лица. Три жертвы убийцы, которого они разыскивали. Наталья, Ольга, Марина. Лица мертвых женщин как чудовищный хоровод закружились вокруг Киры, хотя по телевизору в угоду цензуре их показали живыми.

Девушка замахала руками, чуть не перевернув сковородку на деревянной подставке, которую принесла ей официантка. Но девица оказалась проворной. Она работала в футбольном баре, внезапно взбудораженный гость ей не в новинку. Официантки футбольного бара способны одновременно легко и умело убирать кружки с пивом в зону недосягаемости от подвыпивших и орущих мужчин, хлопать по спине, спасая подавившихся сухариками, и одним взмахом руки сметать чаевые в передник.

Девушка невозмутимо поставила на стол еду, успокаивающе улыбаясь Кире, достала из кармана формы пульт, прибавила громкость и в то же время положила перед Кирой приборы.

– ...Вглядитесь в эти лица и постарайтесь не оказаться на их месте, – призывал голос диктора. – Будьте осторожны и берегите близких...

– Твою же мать! – выругалась Кира. – Вот откуда у них инфа?

– Всемирная глобальная информатизация, – пожала плечами Таня, примериваясь, как лучше укутить бургер.

– Псевдоинформационный дебилизм, – отозвалась Кира. – Вот неужели не понимают, что идет следствие?

– Ничего святого, – поддакнула Таня не слишком сочувствующе. – Ешь. Сейчас ты все равно ничего больше сделать не можешь.

Кира засмеялась на неуклюжую поддержку подруги.

– Да, уж танцоры совершенно точно убеждены, что нет в мире ничего более важного, чем танцы. Все остальное пустяки.

Кира не сомневалась, интернет-новости пестрят этими же фотографиями. Наверняка уже успели обрасти мифами, домыслами и слухами. Даже от одной мысли, сколько гадостей сейчас выливают и на жертв, и на убийцу, и на всю следственную группу, ее затошнило. Она не пожелала с этими слухами знакомиться.

Глава 9

К утру Кира подумала и решила, что ничего страшного и непоправимого в объявлении, что по округе бродит маньяк, нет. Во времена глобальной информатизации, а точнее, массовой информационной замусоренности, у людей притупилась острота восприятия. Как в притче с волками. Если проорать один раз – напугаются, второй – задумаются, а пятнадцатый – не заметят. Каждый день из телевизоров и смартфонов сыплются новости про убийства, взрывы, катастрофы, аварии, неизлечимые болезни. Ну и что? Из дома не выходить?

Вот если под ногами бездна разверзнется, тогда можно задуматься, при условии, что не свалишься, конечно, в эту бездну по инерции, не успев остановиться.

Самбуров и вовсе отмахнулся. Конкретные имена только жертв названы, из служителей закона вскользь начальника управления упомянули, основная волна хейта ему достанется. Так его по всем поводам упоминают. Работа такая, он, поди, негатива и не замечает.

К присутствию Киры в кабинете подполковник еще не привык, поэтому чувствовал себя неуютно. Он повертел в руках список пациенток Веденеевой, выданный ему Аней, младшей сотрудницей его отдела.

Девушка походила на капитана полиции еще меньше, чем ее начальник на подполковника. Угловатый подросток, завернутый в балахоны оверсайз, с волосами цвета воронова крыла, торчавшими ершиками на затылке и свисавшими зелеными прядями на лицо. Тату на шее и кольцо в носу. Заподозрить в ней капитана МВД шансов было столько же, сколько опознать птицу в пингвине.

– Анька может найти любой байт информации в терабайтах мусора из интернета, – рекомендовал ее Григорий, знакомя. – И совершенно отбитая в плане эмоций и стыда, почти как ты.

Девушка беззастенчиво оглядела Киру и снова уткнулась в свой ноутбук. На подполковника Самбурова Анна Васильевна Терехова взирала без какого-либо женского интереса, воспринимая только его распоряжения и указания. И это была первая особь женского пола, встреченная Кирой, способная на подобное. За что консультант по психопатологии ее сразу заважала.

– Восемь человек. Четыре после домашнего насилия, два нервных срыва и два случая без происшествия, только диагнозы. После смерти Веденеевой кого-то передали другим психологам, с кем-то больше не работают, адреса есть не везде... – комментировала Аня.

– Володя, работай. – Григорий отдал список второму члену команды. Майору МВД Калинину Владимиру Алексеевичу.

Вот здесь все по форме, традиционно, предсказуемо и понятно. Кира сразу поняла, каким сложным узором он вписался в причудливую команду Самбурова. Патологическая преданность делу буквально табличкой сияла на лбу Володи. Он служил в органах. Стоял на страже добра. Защищал. И внешность майор имел соответствующую, будто скопированную с голливудских агентов и детективов.

Перед Кирой так и замелькали кадры из фильмов «Белый воротничок», «Место преступления», «Мыслить как преступник».

В Володе чувствовались надежность, спокойствие и уверенность. Безопасность. Даже подозрительная и осторожная Кира ощущала себя рядом с ним в безопасности.

Парень отличался немногословностью, понятливостью, сообразительностью. Знакомясь с Кирой, он коротко кивнул.

– Почему ты думаешь, что кто-то из ее подопечных может быть убийцей? – Самбуров вопросительно уставился на Киру. Список он прочитал дважды. У него никаких мыслей или хотя бы идей не возникло.

– По Альгизу, как и по любому другому мужику, Наталья не страдала. Она поставила на семейной жизни крест еще тогда, когда узнала, что не сможет иметь детей. Приняла новую данность и скорректировала жизнь согласно ей. Но секса и отношений лишать себя не собиралась. Для здоровья – физического и психического. Поэтому легко соглашалась на любой формат отношений, который не нарушал ее личных границ. Не заморачиваясь по поводу ревности, того, кто что подумает и кому что нравится или нет. Ее отношения с Альгизом и, скорее всего, с большинством других мужчин не сильно задевали ее эмоциональность. Она вела себя шаблонно, психологически грамотно и выверенно. Я бы сказала, отработанно, на автомате. Восхищалась, была благодарна, внимательно слушала, ничего не проверяла и не требовала. Именно эта модель женского поведения сейчас очень ценится, считается правильной и, соответственно, востребованной. Когда у Натальи закончились отношения с Альгизом, она и не думала переживать. Прекрасно. Будут следующие. Она написала благодарственное письмо, тоже психологический трюк, сделала выводы и пошла дальше, – объясняла Кира, расхаживая по кабинету словно неприкаянная. За поставленный для нее стол она упорно садиться не желала. – Кстати, очень интересные и разумные сделала выводы. Альгиз сказал, что у нее неяркая внешность, что она некрасива. Наталья поработала в этом направлении. Посетила парикмахера, научилась наносить макияж, у нее в соцсети много фотографий в разных образах. Целеустремленная девушка. Рациональная. Хорошо поработала. У нее явно кто-то появился, и в тот день она шла к этому кому-то на свидание. Оделась сексапильно, новое белье, каблуки. Первые встречи. Хотела произвести впечатление. Мать она держит на расстоянии. Грамотно выставленные границы и трепетно охраняемые. Между ними в детстве что-то произошло. Скорее всего, мать манипулировала маленькой Натальей тем, что растила ее одна, из-за этого не построила своей личной жизни, но, начав разбираться в психологии, Наталья поняла, что мать хочет вызвать у нее чувство вины, дать почувствовать ответственность за себя, пытается контролировать ее жизнь, и отстранилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.